
ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. 1746 год

Веселости и печальные происшествия в Петербурге в начале 1746 года. - Кончина Анны Леопольдовны. - Судьба Брауншвейгской фамилии. - Деятельность Сената. - Смоленская Шляхта. - Финансовые распоряжения. - Промышленность. - Старые заботы о соли. - Усиление внешней торговли. - Столкновение белгородского купечества с Главным магистратом. - Ревизия. - Столкновение эстляндских привилегий с общими распоряжениями правительства. - Дела церковные. - Отношения Синода к его обер-прокурору князю Шаховскому. - Дела внешние. - Отношения канцлера к вице-канцлеру. - Возвращение графа Воронцова в Петербург. - Холодность к нему императрицы. - Денежные затруднения Бестужева. - Союзный договор с Австриею. - Дела саксонские и польские. Неприятности с Пруссиею. - Дела шведские. - Дела датские, турецкие и персидские.

1746 год начался весело в Петербурге. Особы первых двух классов давали маскарады, на которых присутствовала императрица; собирались в шесть часов, играли в карты и танцевали до десяти, когда императрица с великим князем, великою княгинею и несколькими избранными садилась ужинать; остальные ужинали стоя. После ужина опять танцевали до часу или двух пополудни; хозяин не встречал и не провожал никого, даже императрицу; кто сидел за картами, те не вставали для нее. Но февраль начался неприятностями: на маслянице великий князь простудился на маскараде, который был дан на Смольном дворе. Ночью ему сделалось дурно, императрицу разбудили: "Великий князь болей, и опасно!" Она вскочила с постели и прямо к больному, которого нашла в сильном жару. В день рождения Петра Федоровича (10 февраля) Елисавета пришла к нему, и когда Брюммер, Берггольц и гофмаршал Миних встретили ее в передней с поздравлениями, то она отвечала со слезами на глазах и на другой день из предосторожности велела пустить себе кровь. И февраля умер фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий: Елисавета плакала на похоронах старого слуги и опального отцовского царствования; в марте пришло известие о кончине принцессы Анны Леопольдовны.

Мы видели, что в первое время вступления своего на престол Елисавета хотела отправить Брауншвейгскую фамилию за границу; но скоро начались внушения и от своих, и от чужих насчет опасности этой меры; внушения, что державы, враждебные России, будут употреблять сверженного императора орудием для нарушения спокойствия императрицы и империи; эти внушения были подкреплены делом Турчанинова, потом делом Лопухиных, и несчастную фамилию остановили в Риге, потом начали

удалять от западной границы и завозить внутрь России и, наконец, завезли на беломорскую окраину. Мы видели, что с Брауншвейгскою фамилиею отправился генерал Василий Федорович Салтыков; но мимо его императрице дали знать, что принцесса Анна бранит Салтыкова, а маленький принц Иоанн, играя с собачкою, бьет ее плетью, и когда его спросят: "Кому, батюшка, голову отсечешь?" - то он отвечает: "Василию Федоровичу". Елисавета в раздражении писала Салтыкову: "Буде то правда, то нам удивительно, что вы нам о том не доносите, и по получении сего пришлите к нам о сем ответ, подлинно ли так или нет, понеже коли то подлинно, то я другие меры возьму, как с ними поступать, а вам надлежит того смотреть, чтоб они вас в почтении имели и боялись вас, а не тако бы смело поступали". Салтыков отвечал: "У принцессы я каждый день поутру бываю, токмо, кроме одного ее учтивства, никаких противностей как персонально, так и чрез бессменных караульных офицеров ничего не слышал, а когда что ей потребно, о том с почтением меня просит, а принц Иоанн почти ничего не говорит".

13 декабря 1742 года Брауншвейгскую фамилию перевезли в Дюнамюнде, в январе 1744 года последовал указ о перевезении ее в Раненбург, причем ее едва не завезли в Оренбург, потому что капитан-поручик гвардии Вымдонский, которому поручена была перевозка, принял Раненбург за Оренбург. Когда членам фамилии объявили о выезде в Раненбург и что их рассадят в разные возки - мужа, жену и детей, то они с четверть часа поплакали, но вида сердитого не показали. В Раненбурге фамилия пробыла недолго, 27 июля того же 1744 года последовал указ перевезти их в Архангельск, из Архангельска в Соловецкий монастырь и там оставить. Перевезти поручено было камергеру Николаю Корфу, который получил наказ ввести фамилию в Соловецкий монастырь ночью, чтобы их никто не видал, и поместить в приготовленные им покои особливо. На пищу и на прочие нужды брать от архимандрита за деньги, а чего у него нет, то где что сыскать будет можно по настоящей цене, чтоб в потребной пище без излишества нужды не было; как в дороге, так и на месте стол не такой пространный держать, как прежде было, но такой, что можно человеку сыту быть тем, что там можно сыскать без излишних прихотей. Принца Иоанна поручено было везти особо майору Миллеру, который получил такой наказ: "Когда Корф вам отдаст младенца четырехлетнего, то оного посадить в коляску и самому с ним сесть и одного служителя своего или солдата иметь в коляске для бережения и содержания оного; именем его называть Григорий. Ехать в Соловецкий монастырь, а что вы имеете с собою какого младенца, того никому не объявлять, иметь всегда коляску закрытую".

30 августа Корф писал Воронцову: "Третьего дня я объявил известным особам о их отъезде из Раненбурга; эта новость повергла их в чрезвычайную печаль, обнаружившуюся слезами и воплями. Несмотря на это и на болезненное состояние принцессы, они отвечали, что готовы исполнить волю ее величества. Ее болезнь главным образом происходит от

беременности". Когда Корф объявил, что все зараз не могут ехать и что фрейлина Юлия отправится после, то это известие поразило принцессу как громом: вероятно, она догадалась, что их хотят разлучить навсегда. Анна Леопольдовна и муж ее не знали, что их везут в Соловки, думали, что местом ссылки их будет Пелым, где прежде был Бирон. В октябре они приехали к беломорскому берегу, но за льдом в это время года нельзя было проехать в Соловки, и Корф остановился в Холмогорах, где архиерейский дом был очень удобен для помещения. В следующем, 1745 году он настоял, чтобы ссыльных оставить навсегда в Холмогорах: это будет, писал он, гораздо секретнее, чем еще везти их по Двине и по морю; притом содержание в Соловках будет стоить гораздо дороже, чем в Холмогорах, окруженных деревнями. Сам Корф уехал из Холмогор, сдавши надзор за ссыльными майору гвардии Гурьеву. 19 марта 1745 года Анна Леопольдовна родила сына Петра; в марте 1746 года родила сына Алексея и скончалась. На донесения о кончине принцессы и об отправлении тела ее в Петербург Гурьев получил ответ императрицы от 17 марта: "Репорты ваши о рождении принца и о кончине принцессы Анны мы получили и, что вы по указу тело принцессы Анны сюда отправляете, о том известны. Приложенное при сем к принцу Антону наше письмо отдай и на оное ответ дай ему своею рукою написать и, как напишет, то оное к нам немедленно пришли. Скажи принцу, чтоб он только писал, какую болезнью умерла, и не упоминал бы о рождении принца". Письмо, отданное Гурьевым принцу Антону, заключало в себе следующее: "Светлейший принц! Уведомились мы от майора Гурьева, что принцесса, ваша супруга, волею божию скончалась, о чем мы сожалеем; но понеже в репорте одного майора Гурьева к нам не написано потребных обстоятельств одного печального случая может быть, затем, что ему невозможно всегда при ней быть, а ваша светлость неотлучно при том были; того для требуем от вашей светлости обстоятельного о том известия, какую болезнью принцесса, супруга ваша, скончалась, которое сами изволите, написав, прислать к нам. *Елисавет*."

Императрица сама распоряжалась насчет похорон принцессы. Погребение происходило с большим торжеством в Александро-Невской лавре, где была погребена и мать Анны Леопольдовны царица Екатерина. Елисавета плакала.

Доскажем и о последующей участи осиротевшей семьи в царствование Елисаветы. Юлия Мегден была разлучена с принцессою Анною в Раненбурге; но сестра ее, Бина Мегден, отправилась в Холмогоры, и донесения офицеров, стороживших несчастную фамилию, наполнены известиями о буйствах Бины, ссоре ее с принцем Антоном и романе с лекарем Ножевщиковым. После сцен с принцем Антоном, брани и даже драки Бина выхватила однажды из-за пояса ключи и ударила ими солдата. Когда Вымдонский, сменивший Гурьева, стал выговаривать ей за это, то она закричала: "Когда меня принц Антон давить хотел, я тебе говорила, чтоб ты к государыне о том писал". Но государыня взяла сторону принца Антона и указала: "Оную фрейлину, ежели она от таких продерзостей не

уйдется, держать в той палате, в которой ныне живет, безысходно и никуда из той палаты не выпускать, також и к ней в палату никого не пускать, а ежели иногда для какой болезни своей потребует лекаря, то оного допускать при прапорщике Зыбине, а одного отнюдь не допускать". Безысходное заключение усилило раздражительность. По письму Вымдонского Черкасову, Бина проломала стекло в окончинах и много раз бросала за окно серебро. Когда пришли вставлять окно, то она сначала заперлась и не пускала; когда же офицер Зыбин вошел силою, то она встретила его ругательствами, называя всех изменниками и колдунами, а потом бросилась на Зыбина, ударила его по уху и схватила за волосы, так что едва могли отнять. Принц говорил Вымдонскому и Зыбину: "Когда я бываю в саду, то мне можно узнать, едет или идет мимо архиерейского двора лекарь Ножевщиков, потому что тогда Бина наденет на себя красное или на руках держит, стоя у окна, чтоб он ее видел, и когда возвращусь в покои и спрошу у слуг, то непременно скажут, что лекарь ехал или шел".

Бина, по донесению Вымдонского, продолжала буйствовать, бросала тарелки, ножи и вилки в приносившего ей кушанья солдата, выливала суп на голову служившей ей женщине. Но она нашла себе защитника, потому что другой офицер, приставленный к принцу Иоанну, Миллер, поссорился с Вымдонским, и оба в своих письмах к Черкасову доносили друг на друга. Их поделили: у Вымдонского взяли хозяйственную часть и отдали Миллеру, оставив первому только военную. Миллер поставлен был в затруднительное положение, потому что деньги на содержание ссыльных высылались из Петербурга неаккуратно. Однажды вышел кофе, который подавался в день раза по три принцу Антону и его детям; Вымдонский прислал к Миллеру с сильным выговором, что принц Антон без кофе, как ребенок без молока, жить не может, и потому надобно непременно достать как-нибудь. Миллер послал солдата в Архангельск и велел просить у тамошних купцов кофе в долг; но купцы отказали, говоря, что сомневаются, заплачены ли будут деньги и за прежде взятые товары. "Благоволите рассудить, мне делать, - писал Миллер Черкасову, - г. капитан (Вымдонский), конечно, напишет, что я морю без кофе известных персон, тепер же вижу, что и у поставщиков столовых припасов нет денег от долговременного неплатежа, и каждый день опасуюсь, что откажутся ставить провизию, и что в таком случае делать, не знаю, ибо не кормить известных персон нельзя, а мужиков хоть сожги, и взять им негде. Думаю по некоторым обстоятельствам и по известному единомыслию г. капитана с известною персоною и его камердинером, знатным интриганом, что я безвинно оболган высочайшему Кабинету, а может быть, и ее импер. величеству. Посылал я к г. капитану каптенармуса за маленьким делом; он, оставя это дело, по своему велеречию начал читать каптенармусу, что я не только их морю без кушанья и питья, но и известных персон, наварил такого полпива, что бока все промочет, у него, капитана, да и у известной персоны колики смертельные были от полпива, и потому известная персона тепер не пьет и умер бы без питья, если б он, капитан, не посылал к нему своего; при этом говорил каптенармусу: "Скажи ты Миллеру, что я

его не боюсь, посылаю и впредь посылать буду, и о том не только высочайший Кабинет, но, может быть, и ее импер. величество теперь знать изволит". Слыша такую на меня в полпиве нанесенную небылицу, принужден призвать к себе мундшенковского и тафельдекерского помощников, которые поутру и ввечеру при столе известных персон живут неотходно, и спросить их по чистой совести, кушают ли все известные персоны полпиво, которого отправляется ежедневно по 40 бутылок и больше, и хулят ли, когда его кушают. На это они мне сказали, что все кушают и не охуждают. А это дело уже известно, - оканчивал Миллер, - что и небесное полпиво, ежели только от меня отпускатся будет, как известная персона, так и г. капитан с сообщниками преисподним, конечно, называть будут".

В своей борьбе с Вымдонским Миллер решился выставить Бину Менгден жертвою клеветы капитана и принца Антона. "Дерзаю донести, - писал Миллер Черкасову, - что Бина по его клеветам, мню, что с согласия учиненным, теперь целые два с половиною года уже содержится бесчеловечно; ибо, выключая то, что одна в такой большой и пустой палате заперта и кроме кушанья, которое, как собаке, в дверь подают, и рубашки во все два с половиною года мыть не сносят, пьяные солдаты и сержанты, там живущие, в угодность капитану и прочим всячески обижают". В отчаянии Бина ударила однажды ножом в висок солдата и задушила женщину, говоря: "Я на то пошла, чтобы кого-нибудь уходить ножом или вилками; скорее получу резолюцию, которой третий год нет".

Ссора офицеров кончилась тем, что Миллера перевели в Казань полковником Свияжского полка; в Холмогорах ему нечего было больше делать, потому что в начале 1756 года принца Иоанна перевели в Шлюссельбург. Сержант лейб-компания Савин вывез его из Холмогор тайно в глухую ночь, причем Вымдонский получил указ: "Оставшихся арестантов содержать по-прежнему, еще и строже и с прибавкою караула, чтоб не подать вида о вывозе арестанта, о чем накрепко подтвердить команде вашей, кто будет знать о вывозе арестанта, чтобы никому не сказывал; в Кабинет наш и по отправлении арестанта репортовать, что он под вашим караулом находится, как и прежде репортовали; а за Антоном Ульрихом и за детьми его смотреть накрепчайшим образом, чтобы не учинили утечки". В Шлюссельбурге надзор за Иваном Антоновичем был поручен гвардии капитану Шубину, который получил такую инструкцию от Александра Ив. Шувалова, ведавшего тайные дела после Ушакова:

"Быть у онаго арестанта вам самому и Ингерманландского пехотного полка прапорщику Власьеву, а когда за нужное найдете, то быть и сержанту Луке Чекину в той казарме дозволяется, а кроме же вас и прапорщика, в ту казарму никому ни для чего не входить, чтоб арестанта видеть никто не мог, також арестанта из казармы не выпускать; когда же для убирания в казарме всякой нечистоты кто впущен будет, тогда арестанту быть за ширмами, чтобы его видеть не могли. Где вы обретаться будете,

запрещается вам и команде вашей под жесточайшим гневом ее и. в-ства никому не писать; когда же иметь будете нужду писать в дом ваш, то не именуя, из которого места, при прочих репортах присылать, напротив которых и к вам обратно письма присылаются будут от меня чрез майора Бередникова (шлюссельбургского коменданта). Арестанту пища определена в обед по пяти и в ужин по пяти же блюд, в каждый день вина по одной, полпива по шести бутылок, квасу потребное число. В котором месте арестант содержится и далеко ли от Петербурга или от Москвы, арестанту не сказывать, чтобы он не знал. Вам и команде вашей, кто допущен будет арестанта видеть, отнюдь никому не сказывать, каков арестант, стар или молод, русский или иностранец, о чем подтвердить под смертною казнию, коли кто скажет".

За болезнью Шубина отправлен был капитан Овцын, к которому Шувалов писал 30 ноября 1757 года: "В инструкции вашей упоминается, чтобы в крепость, хотя б генерал приехал, не впускать; еще вам присовокупляется, хотя б и фельдмаршал и подобный им, никого не впускать и комнаты его императ. высочества вел. князя Петра Федоровича камердинера Карновича в крепость не пускать и объявить ему, что без указа Тайной канцелярии пускать не велено". Приведем любопытнейшие донесения Овцына о вверенном ему арестанте. В мае 1759 года он писал: "Об арестанте доношу, что он здоров и, хотя в нем болезни никакой не видно, только в уме несколько помешался, что его портят шептаньем, дутьем, пусканьем изо рта огня и дыма; кто в постели лежа повернется или ногу переложит, за то сердится, сказывает, шепчут и тем его портят; приходил раз, к подпоручику, чтоб его бить, и мне говорил, чтоб его унять, и ежели не уйму, то он станет бить; когда я стану разговаривать (разубеждать), то и меня таким же еретиком называет; ежели в сенях или на галереи часовой стукнет или кашляет, за то сердится". В июне: "Арестант здоров, а в поступках так же, как и прежде, не могу понять, воистину ль он в уме помешался или притворничествует. Сего месяца 10 числа осердился, что не дал ему ножниц; схватив меня за рукав, кричал, что когда он говорит о порче, чтоб смотреть на лицо его прилежно и будто я с ним говорю грубо, а подпоручику, крича, говорил: "Смеешь ли ты, свинья, со мною говорить?" Садился на окно - я опасен, чтоб, разбив стекло, не бросился вон; и когда говорю, чтоб не садился, не слушает и многие беспокойства делает. Во время обеда за столом всегда кривляет рот, головою и ложкою на меня, также и на прочих взмахивает и многие другие проказы делает. Стараюсь ему угождать, только ничем не могу, и что более угождаю, то более беспокоится. 14 числа по обыкновению своему говорил мне о порче; я сказал ему: "Пожалуй, оставь, я этой пустоты более слушать не хочу", потом пошел от него прочь. Он, охватя меня за рукав, с великим сердцем рванул так, что тулуп изорвал. Я, боясь, чтоб он не убил, закричал на него: "Что, ты меня бить хочешь! Поэтому я тебя уйму", на что он кричал: "Смеешь ли ты унимать? Я сам тебя уйму". И если б я не вышел из казармы, он бы меня убил. Опасаюсь, чтоб не согрешить, ежели не донести, что он в уме не помешался, однако ж весьма сомневаюсь, потому

что о прочем обо всем говорит порядочно, доказывает евангелием, апостолом, минеею, прологом, Маргаритою и прочими книгами, сказывает, в котором месте и в житии которого святого пишет; когда я говорил ему, что напрасно сердится, чем прогневляет бога и много себе худа сделает, на что говорит, ежели б он жил с монахами в монастыре, то б и не сердился, там еретиков нет, и часто смеется, только весьма скрытно; нынешнее время перед прежним гораздо более беспокоит". В июле: "Прикажете кого прислать, истинно возможности нет; я и о них (офицерах) весьма сомневаюсь, что нарочно раздражают; не знаю, что делать, всякий час боюсь, что кого убьет; пока репорт писал, несколько раз принужден был входить к нему для успокоения, и много раз старается о себе, кто он, сказывать, только я запрещаю ему, выхожу вон".

По приказанию Шувалова Овцын спросил у арестанта, кто он? Сначала ответил, что он человек великий и один подлый офицер то у него отнял и имя переименовал, а потом назвал себя принцем. "Я ему сказал, - писал Овцын, - чтоб он о себе той пустоты не думал и впредь того не врал, на что, весьма осердись, на меня закричал, для чего я смею ему так говорить и запрещать такому великому человеку. Я ему повторял, чтоб он этой пустоты, конечно, не думал и не врал и ему то приказываю повелением, на что он закричал: я и повелителя не слушаю, потом еще два раза закричал, что он принц, и пошел с великим сердцем ко мне; я, боясь, чтоб он не убил, вышел за дверь и опять, помедля, к нему вошел: он, бегая по казарме в великом сердце, шептал, что - не слышно. Видно, что ноне гораздо более прежнего помешался; дня три как в лице, кажется, несколько почернел, и, чтоб от него не робеть, в том, высокосиятельнейший граф, воздержаться не могу; один с ним остаться не могу; когда станет шалить и сделает страшную рожу, отчего я в лице изменюсь; он, то видя, более шалит". Однажды Иван Антонович начал бранить Овцына неприличными словами и кричал: "Смеешь ты на меня кричать: я здешней империи принц и государь ваш". По приказу Шувалова Овцын сказал арестанту, что "если он пустоты своей врать не отстанет, также и с офицерами драться, то все платье от него отберут и пища ему не такая будет". Услыхав это, арестант спросил: "Кто так велел сказать?" "Тот, кто всем нам командир", - отвечал Овцын. "Все это вранье, - сказал Иван, - и никого не слушаюсь, разве сама императрица мне прикажет".

В сентябре 1759 года арестант вел себя несколько смирнее; потом опять стал браниться и драться, и не было спокойного часа; с ноября опять стал смирен и послушен. В апреле 1760 года Овцын доносил: "Арестант здоров и временем беспокоен, а до того всегда его доводят офицеры, всегда его дразнят". В 1761 году придумали средство лечить его от беспокойства: не давали чаю, не давали чулок крепких, и он присмирел совершенно.

О родных Ивана Антоновича, оставшихся в Холмогорах, сохранилось следующее известие Зыбина: "Принц Антон Ульрих сложения толстого и многокровного и нередко подвержен разным припадкам, особенно страдает

грудью, однако не очень сильно и продолжительно; по заявлению лекарскому имеет начало цинготной болезни; нравом кажется тих и ведет себя смиренно. Дети его: дочери - большая, Екатерина, сложения больного и почти чахотного, притом несколько глуха, говорит немо и невнятно и одержима всегда разными болезненными припадками, нрава очень тихого; другая его дочь, Елисавета, которая родилась в Дюнаминде, росту для женщины немалого и сложения ныне становится плотного, нрава несколько горячего, подвержена разным и нередким болезненным припадкам, особенно не один уже год впадает в меланхолию и немало времени ею страдает. Сыновья: старший, Петр, родился в Холмогорах в 745 году, сложения больного и чахоточного, несколько кривоплеч и кривоног; меньшей сын, Алексей, родился в Холмогорах в 746 году, сложения плотноватого и здорового, и хотя имеет припадки, но еще детские. Живут все они с начала и до сих пор в одних покоях безысходно, нет между ними сеней, но из покоя в покой только одни двери, покои старинные, малые и тесные. Сыновья Антона Ульриха и спят с ним в одном покое. Когда мы приходим к ним для надзирания, то называем их по обычаю прежних командиров принцами и принцессами".

В год смерти Анны Леопольдовны отозвался и враг ее Бирон из Ярославля, отозвался горькою жалобою на свое бедственное положение. 18 марта 1746 года он писал императрице: "К здешнему воеводе указ прислан из высокого Кабинета, в котором изображено, якобы по моему приказу козацкого полка полковник Ливен одного здешнего мещанина арестовать и бить велел. Всемилостивейшая императрица! Сколь велико мое бедствие ни есть и сколь долго оное ни продолжается, однако ж моего разума не лишен, чтоб я в такие дела вмешался. Я знаю, в каком состоянии я нахожусь. Все наказания, кои выдуманы быть могут, претерплю я с радостью, ежели я правильно в чем изобличен быть могу, а полковник Ливен должен отчет и отповедь дать. Оного человека я не знаю, он же ни мне, ни моим домашним никакой беды не сделал: что же бы меня к тому побудило! Но я такими людьми здесь окружен, от которых ежедневно многие утеснения претерпевать принужден без всякой моей вины, итак, ваше императ. величество прошу не допустить, чтоб я безвинно мучим был".

К Бестужеву Бирон писал по тому же случаю: "Несчастье мое ежедневно умножается; я желал бы все то претерпевать, ежели б я в чем виновен был; но о сем приключении я столько знал, сколько о часе моей смерти; я того человека никогда не знал. Я здесь между львами и змеями нахожусь. Здешний воевода и его жена известны суть; они на меня озлобились, потому что я их больше не дарю, как то прежде делал, когда я еще нечто имел. Майор Лакастов с фабрики, который с воеводою в ссоре был, добрым приятелем сделался. Сей человек нам всякую досаду причиняет; я не могу, да и не смею упомянуть, что мы от сего человека без причины претерпеваем.

От этих печальных известий обратимся к обычной правительственной деятельности 1746 года. Передвижение войск, вызванное событиями прошедшего года, готовило Сенату новые заботы, а между тем надобно было приводить в порядок пограничных служилых людей, удержавших среди преобразований свой особый характер, внесенный из XVII века. То была смоленская шляхта, обязанная нести военные повинности на польской границе и вместе с названием удержавшая, как видно, и дух своих собратий в Польше, ибо до нас дошли известия о частых столкновениях между нею и назначаемыми для начальства над нею генералами. Генерал-майор Вонлярлярский доносил Сенату, что при разборе смоленского шляхетства является много неспособных к службе по старости, дряхлости и увечью; вместо них определяются поротно шляхетские недоросли. Только некоторые годные в службу недоросли по многократным посылкам к этому разбору в Смоленск к нему не едут, особенно пять сыновей полковника Корсака да сын хорунжего Вонлярлярского и прочие, и от форпостной службы ухораниваются и живут в домах при отцах праздно. У некоторых из шляхетства отписаны за доимки движимые и недвижимые имущества, и они скитаются между чужими дворами, питаюсь милостынею, а служба их была без жалованья от вотчин; другие вследствие челобитья их на него, Вонлярлярского, Сенатом от команды его отрешены, находятся в команде смоленской губернской канцелярии до указа, к разбору не являются и форпостной службы не служат; смотря на них, и офицер команды его, поручик Александр Иванов Потемкин (отец знаменитого потом князя Григория Александровича), оставя форпост без отпуску его, самовольно съехал в дом свой. Сенат приказал скрывающихся и съехавших с форпостов штрафовать по обыкновению смоленского шляхетства, а пока явятся, отписать у них деревни, людям и крестьянам не велеть их слушаться.

Сенат отмолчался насчет тех шляхтичей, которые, не получая жалованья и лишившись вотчин, питались милостынею. Старались избежать новых расходов, которые и без того увеличились, и требовали чрезвычайных доходов: для вооружения и приготовления к движению всех войск велено было во всем государстве собрать с тех, кто в семигривенном окладе, по гривне с души, а кто в сорокаалтынном - с того по пяти алтын. Императрица распорядилась, чтоб в Петербурге по большим знатным улицам не было кабаков и харчевен; кабакам быть только в переулках, а харчевни свести на рынок; но Камер-контора представила Сенату, что когда кабаки были на знатных улицах, то в сборе было на 24500 рублей в год, а теперь уже столько не собирается и недобору с 1743 года 55321 рубль. Уже 17 лет, как в Московской губернии питейные сборы откупали компанейщики, платя 222812 рублей в год, но теперь отказались; магистрат и купечество также отказались; наконец явились охотники-купцы Пастухов, Емельянов и Мещанинов и предложили взять питейные сборы на 6 лет за ту же цену с наддачею на каждый год по 10000 рублей, а если отдадут без пошлин, то будут платить по 250000 рублей. В то время в Москве было австерий и фартин 173 да в уезде 32, при которых служило

672 человека. Муку казна покупала в военные магазины по 2 р. 25 коп. за четверть, крупу - по 3 рубля за четверть. Писчая бумага второго номера стоила по 1 р. 50 коп. за стопу, третьего номера - по 1 р. 20 коп., сургуч - по 80 коп. фунт. С 1743 по 1745 год становили подрядом на войска рубашечный холст по 26 р. 90 коп., для нижнего платья - по 22 р. 90 коп., подкладочный - по 18 р. 90 коп., крашенину - по 23 р. 90 коп. за тысячу аршин, ни в 1746 году, по публикациям, подрядчики не явились: отпускать за море было выгоднее. В 1745 и 1746 годах холста разных сортов было привезено в Петербург 1901007 аршин: москвичами - 108050 аршин, переяславцами - 347500, ростовцами - 618750, ярославцами - 82029, угличанами - 94552, костромичами - 523927, суздальцами - 20100, вологжанином - 45799, из пригорода Плеса - 35250, кашинцем - 23050, торопчанами - 2000. Эти купцы требовали с казны по 48 рублей за тысячу аршин. Тогда товары их были остановлены. Купцы подали прошение, чтоб завезенный ими к петербургскому порту в заморский отпуск холст позволено им было теперь продать в заморский отпуск, потому что Главный комиссариат дает им цену малую, а потом пусть правительство запретит привоз холста ко всем гаваням из внутренних городов для лучшего удовольствования армии: тогда холсты подешевеют и купцы употребят капиталы свои в другие торги и промыслы. Но Сенат отказал в пропуске за море холста, пока вся армия им не удовольствуется.

В Сенат поступали на рассмотрение образцы произведений русских фабрик. Когда в описываемом году присланы были образцы разных шелковых материй и бархатов, то сенаторы усмотрели, что некоторые материи, например бархат травчатый - по малиновой земле алые травы, ленты пунцовые кавалерские, - цветами очень нехороши, и потому приказали послать указ в Мануфактур-коллегию такого содержания: Сенат, видя, что на российских мануфактурах те работы продолжаются, доволен, только подтверждает, чтоб коллегия над заводчиками и фабрикантами имела крайнее смотрение, пусть стараются шелковые материи делать самым хорошим мастерством, по образцу европейских мануфактур, употребляя цветы хорошие, прибирая оные по приличности.

Насчет соли продолжались прежние хлопоты. Строгановы явились в Сенат с жалобой на Пыскорский монастырь, что он отбивает у них рабочих, платя им дороже, просили, чтоб это было запрещено монастырю. Сенат приказал в просьбе отказать: рабочие - люди вольные, от кого себе хорошую плату получают, к тому больше и в работу нанимаются; поэтому и баронам Строгановым надобно крепкое старание прилагать и рабочих людей добывать, беря пример с Пыскорского монастыря. Но этим нравственным внушением Сенат не отделался. Летом братья Строгановы Александр, Николай и Сергей подали доношение; высочайшей резолюции на их просьбы не последовало, а между тем указом Сената велено соляной конторе понуждать их к выварке и доставке соли, несмотря ни на какие невозможности, отчего пришли они в такую несостоятельность, что уже нетолько чем бы соль из Нижнего в верховые города ставить, но и

лодейным работникам по прибытии в Нижний с солью чем остальную расценку учинить капитала у себя не имеют, притом и подрядчиков к поставке соли до верховых городов отыскать не могут. Калужские подрядчики говорят, что в 1745 году соль в провозе до Калуги стала по 7 коп. с 1/4 пуда, отчего понесли они поносное разорение и в подряд потому не вступили; а московские говорят, что взяли они за провоз до Москвы по 6 1/4 коп. с пуда, а стало им по 8 коп. и подряжаться не хотят, а из прочих городов никто не явился. По таким высоким провозным ценам на остальную лодейным работникам разделку и на задатки подрядчикам надобно будет в Нижнем до 100000 рублей, а у них своего капитала уже нет; пусть соляная контора приготовит в Нижнем эту сумму заблаговременно.

Сенат приказал соляной конторе, рассмотря, надлежащее и немедленное определение учинить, объявив Строгановым, чтоб они отпущенную в 1746 году соль до верховых городов, не упустя летнего пути, отправили и поставили, в чем их накрепко принуждать, не принимая от них никаких отговорок. Соляная контора доносила, что в 1746 году приготовлено соли: у Строгановых в Орловских промыслах - 2406274 пуда, в Чусовских - 231436 пудов, у Пыскорского монастыря - 103809 пудов, у Демидова - 67902 пуда, у Турчанинова - 138345 пудов, Ростовщикова - 135193, Суровцова - 108496, всего - 4126028 пудов. Относительно требуемых Строгановыми ста тысяч рублей соляная контора донесла, что такой большой суммы в Нижнем она не может дать Строгановым, ибо здесь у нее всего 3221 рубль, а в самой соляной конторе налицо 96811 рублей. Сенат приказал выдать Строгановым из соляной конторы в Москве медными деньгами 42399 рублей, прибавя все деньги, которые в Нижнем и Нижегородской губернии в сборе из таможенных, кабацких и канцелярских доходов. Кроме Перми и Астрахани соль добывалась еще на Бахмутских казенных заводах, но и здесь были тоже хлопоты по недостатку работников. Сенат велел высылать туда работников из Воронежской и Белгородской губерний, из ближних к Бахмуту городов и уездов поселившимся там на великороссийских землях малороссиянам по 600 человек в год. Но бахмутская заводская контора представила, что рабочих на заводах за недосылкою и побегом всего в Бахмуте 63 да в Тору 6, итого 69 человек, отчего при обоих заводах в приготовлении дров и в прочих работах следует остановка. Сенат приказал подтвердить накрепчайшими указами, чтоб высылались сполна по 600 человек.

Сенат получил известие об усилении торговли со стороны Европы и со стороны Азии. Камер-коллегия подала мнение: петербургская торговля усилилась вследствие заключения контрактов. Многие из разных городов купцы, которые прежде за неимением капитала к порту товаров не привозили, те охотно теперь ведут заграничную торговлю, заключивши контракты и взявши наперед у иноземцев деньги; эти русские купцы сами по городам и по ярмаркам ездят и прикащиков посылают, закупают и привозят сюда товары, и, наоборот, покупая в долг у иностранных купцов

заморские товары, отвозят внутрь государства и таким образом приобретают себе кредит и пользу, усиливают привоз товаров к здешнему порту, так что русских товаров, привезенных по контрактам, бывает на 900000 рублей, отчего и пошлинному сбору явное приращение, и русским купцам небогатым, которые на поставку товара к порту капитала своего не имеют, также и крестьянству немалая от заключения контрактов польза, ибо крестьяне, продавая им свои рукоделия, пеньку, лен и прочее, получают по множеству купцов цену настоящую, а не принужденную. Если же контрактам не быть, то весь здешний портовый торг останется в одних руках знатных капиталистов, товары и крестьянское рукоделье принуждены будут небогатые купцы и крестьяне продавать им одним по такой цене, по какой они захотят. Поэтому коллегия думает, что надобно удержать в силе указ 1720 года, позволяющий заключение контрактов, и брать с товаров одну портовую пошлину, без внутренней; а чтобы ныне иноземцам заключение контрактов запретить, того коллегия не считает полезным, ибо могут ли одни российские купцы своими капиталами здешние торги к лучшему размножению производить - того нельзя надеяться, потому что в России число капиталистов очень невелико. Сенат не принял мнения коллегии и приказал всем российским иногородним купцам заключать контракты с *российскими* же иногородними купцами, кто с кем пожелает, о поставке к петербургскому порту для заморского отпуску российских товаров и внутренние пошлины брать.

С востока оренбургский губернатор Неплюев писал об усилении торгов в Оренбурге и Орске: усиливается ввоз азиатских товаров, но вывоз русских стал превышать ввоз азиатских. Привезено было из русских городов товара в Оренбург на 33388 рублей, в Орск - на 75215 рублей, а в русские города отпущено из Оренбурга на 10343 рубля, из Орска - на 95364 рубля; пошлин собрано в 1745 году против 1744-го на 3523 рубля больше. Неплюев доносил, что езда в Оренбурге для русских купцов безопаснее, чем в Орске; но трудно заставить киргизов переменить старое место на новое.

Любопытны некоторые подробности о положении торговых и промышленных людей в городах, об их отношениях друг к другу, об их столкновениях в общей деятельности по магистрату. Белгородский купец и селитряный заводчик Щедров, купцы Ворожайкин и Турбаев с товарищи потребовали отрешения определенных Главным магистратом президента белгородского магистрата Осипа Морозова, бурмистров Нижегородцева и Лашина, потому что они выбраны фальшивым некоторыми купцов выбором и недостойны занимать свои места: Морозов поступал противозаконно, будучи у таможенных кабацких и других сборов; Лашин находится под следствием в приводе с неявленным и утаенным от пошлин товаром; он же, Лашин, будучи в 1741 году в белгородской ратуше бурмистром, не только не старался охранять купечество от всяких нападков и налогов, но и сам отягощал его неуказными поборами; да и потому Морозову и Лашину в магистратском правлении быть не следует, что они по нынешним конъюнктурам и производству судебных дел и к прочим приказным

поступкам не способны, и если им в правлении магистратском велено будет остаться, то уже они, Щедров с товарищи, которые к их выбору были на большем совете несогласны, принуждены будут, оставя дома, идти врознь. А теперь они с общего согласия на место Морозова с товарищи выбрали из других достойных и неподозрительных людей Андреева президентом, Мурныкина, Денисова - бургомистрами. Сенат вытребовал дело из Главного магистрата и приказал: Морозова с товарищи от магистратского правления отрешить, ибо из дела явствует, что в белгородском купечестве состоит 516 дворов, в них 1350 душ мужского пола, а к выбору Морозова подписались только 74 человека; почему другие не подписались, об этом Главный магистрат не спросил и определил Морозова с товарищи неправильно, ибо на них было представлено подозрение. После указа белгородскому губернатору Морозова с товарищи отрешить, а чтоб дела не остановились, быть в магистрате представленным от 134 купцов Михайле Андрееву с товарищи до указа, а потом по силе магистратского регламента, призвав в губернскую канцелярию всех купцов, кроме Морозова с товарищи и их избирателей да кроме отлучных и малолетних, и спросить, желают ли они Андреева с товарищи, и если желают, то утвердить, если же нет, то пусть выбирают других. В Белгороде жаловались, что бурмистр не защищал купечество от нападков, а в Москве купцы Автомонов, Иванов и крестьянин Матвеев объявили прямо в сенатской конторе, что обер-полицеймейстер Нащокин, приехав с командою на Полянку, приказал у торгующих съестными припасами и мелочью в шалашах ломать шалаша и обирать товары, причем кричал команде: "Берите что помягче!" - и у купца Иванова лавку и пять шалашей, которые построены по приказу самого Нащекина, разломал до основания.

Ревизия подняла вопрос, могут ли торговые и промышленные люди владеть крепостными людьми. Разумеется, правительство исстари должно было стараться ограничить право иметь земли и потом крепостных на них крестьян одними служилыми людьми, сохраняя таким образом для себя возможность содержать войско. Но искони существовало холопство; холопы могли быть у всех, и при первой ревизии за посадскими и мастеровыми были записаны дворовые их люди. Теперь на запрос, следует ли сделать то же и в настоящее время, Сенат отвечал утвердительно. У архиерейских и монастырских слуг и детей боярских, у разночинцев, которые сами в подушном окладе, у казаков и ямщиков велено дворовых людей отобрать, ибо в прежнюю перепись не было указа писать их за ними. За раскольниками новокрещеных и никаких людей отнюдь не писать и немедленно отбирать, чтоб они не могли привлечь их к раскольничьему суеверию. Сделано было исключение в пользу смоленских мещан, которым позволено было иметь не только дворовых, но и крестьян на основании привилегий, данных польским королем и подтвержденных царем Алексеем Михайловичем.

Ревизия продолжала вскрывать любопытные явления, например в Вологодском уезде в поместье Колтовского крестьяне утаили 29 человек; в

Сольвычегодском уезде Ношульской волости написали 52 человека живых мертвыми да утаили рожденных после прежней переписи 146 душ. Пришлых и беглых приписывали вместо умерших чужими именами. На одних казенных сибирских заводах найдено беглых 16391 душа, и дано знать, что применить к ним закона о возвращении беглых нельзя, потому что приемщики, заводские управители, на свой счет отвезти их на прежние жилища не в состоянии, а для провожания их потребуется столько войска, сколько во всей Сибирской губернии нет, без провожатых же никто не пойдет, разойдутся по лесам или и за границу убегут, особенно те, которые на заводах мастерствам обучились. Они хотя б и с провожатыми были вывезены, но так давно уже от пашни отстали, что на прежних местах не уживутся, но еще и других подговоря, опять в Сибирь убегут, где могут быть без платежа подушных денег, а на прежних землях будет доимка. Если же оставить их в Сибири, то платеж подушных денег будет исправный. Сенат рассудил не высылать, а приемщики должны были заплатить деньги прежним владельцам по 50 рублей за семью и по 30 рублей за холостых; что же касается беглых на казенных заводах, то вместо их выдать прежним владельцам крестьян в Европейской России из выморочных и отписных деревень.

Смоленским мещанам позволено было иметь крестьян в силу старых привилегий, подтвержденных царем Алексеем, но не обращено внимания на эстляндские привилегии, когда во имя их хотели пойти против решения, особенно важного для императрицы. 17 мая 1744 года велено было всем коллегиям, канцеляриям, губерниям, провинциям и командам присылать в Сенат обстоятельные выписки о колодниках, осужденных на смертную казнь или политическую смерть, и не приводить в исполнение приговоров до получения указа; указа о приведении в исполнение смертных приговоров ни одно ведомство с тех пор не получало, и распоряжение 17 мая считается на деле отменой смертной казни за преступления неapolитические. В описываемом году Ревельская губернская канцелярия представила Сенату, что ландраты и магистрат, ссылаясь на древние привилегии, считают своим правом приводить в исполнение криминальные сентенции без дальнейшей конфирмации со стороны высокой короны и потому просят о возвращении этого права. В противном случае колодники будут умножаться и на пропитание их не будет ставить средств. Но Сенат приказал послать в Эстляндию указ отнюдь не приводить в исполнение смертных приговоров.

Ревизия возбуждала также некоторые вопросы, входившие в область церкви. Так, было постановлено: иноземцам, находящимся в русском подданстве и службе, кроме идолопоклонников и магометан, позволяется держать у себя русских крепостных людей с тем только, чтоб не вывозить их за границу; иноземцам разным христианских исповеданий, живущим временно в России, позволяется иметь русских крепостных людей, если они представят добрых порук, имеющих деревни, что тех крепостных людей из России не вывезут и подушные за них деньги будут платить

бездоимочно. Калмыков, башкир, татар и тому подобных иноверцев можно обращать только в православную веру и по крещении из государства не выпускать.

В начале описываемого года церковь и государство опять заявили, что последователей душепагубной ереси (христовщины) сыскано уже более 200 человек, но другие укрываются, и между прочим три московских купца, два петербургских с сестрою, два крестьянина и между ними один лжехрист, Степан Васильев, Ярославского уезда из деревни Поздеевки. Благочестивая императрица очень любила, когда кто-нибудь из других исповеданий обращался в православие. Все эти случаи обращения, довольно нередкие, объявились в ведомостях. Понятно, что она дала особенную торжественность возвращению к православию известной княгини Ирины Долгорукой. 15 августа, в день успенья, в церкви летнего дворца в присутствии императрицы княгиня Ирина с детьми, сыном Николаем и дочерью Анною, пред литургиею отреклась от католицизма. Елисавета велела Синоду статского советника князя Сергея Долгорукого за несмотрение о жене своей и детях в содержании их в законе и страхе божии послать в монастырь, где быть ему неисходно год, да при нем сыну его Николаю по 1 января 1747 года. Долгоруких сослали в Саввин-Сторожевский монастырь. *Мамзель* Бере, которая считалась виновницею отступничества княгини Долгорукой, осталась под стражею в Синоде.

Только в 1751 году вследствие промемории голландского посланника Шварца императрица указала выслать ее за границу, "хотя она за превращение помянутой фамилии в законе жестокому наказанию подлежала б". Елисавета приказала канцлеру заняться следующим делом: в Курляндии было много пленных турок, мужчин и женщин, которые по обращении их в лютеранство были поселены в имениях бывшего герцога Бирона, а как они все, рассуждала императрица, полонены русским оружием, то их вывести в Россию и по пристойности распределить, но чтоб турки не стали их назад требовать, как находящихся не в греческом законе, то постараться всех их привести в греческий закон. Елисавета настаивала также на возвращении русских солдат (великанов) из Пруссии. Фридрих II отвечал, что они подарены; Елисавета возражала, что Петр Великий давал их покойному королю, с тем чтоб за каждого было дано по три человека матросов; после отпускали и безусловно, но теперь она требует их назад как потому, что они ее подданные, так и потому, чтоб они остальную жизнь могли окончить в своем законе и отечестве; притом с прусской стороны ни одного матроса в России не получено, да теперь они и не требуются. Как видно, в это время забыли, что Петр Великий переменял великанов, посылаемых в Пруссию, и не позволял им оставаться там постоянно.

Сношения правительствующих учреждений, Сената и Синода, по-прежнему имели главным предметом столкновение духовных и светских начальств, жалобы духовенства на дурное обращение с ними светских начальств. Мы видели соблазнительное дело вятского епископа Варлаама с

воеводою. Варлаам по приезде своем в Петербург нашел сильных защитников, и Сенат решил: хотя вятский епископ Варлаам по уложению, генеральному регламенту и указу Петра Великого 1724 г. января 27 и св. отец правилам за свою явную продерзость подверг сам себя по снятии сана жесточайшему истязанию, но только он епископ сана немалого, и для того Сенат без особливого ее им. в-ства указа в том деле об нем, епископе, далее уже поступать не может, а предает в высочайшее ее им. в-ства соизволение, и хотя в ведении св. Синода и объявлено, чтоб о показанных ссорах как архиерею, так и воеводе подать по форме челобитные, произвести надлежащий суд и для доказательства воеводу Писарева прислать в св. Синод, но так как в том, что он, архиерей, его, воеводу, в канцелярии ударил, сам себя уже виновным показал, то не для чего быть суду в том, что он против указов поступил, ибо он, епископ, сам себя виновным показал не в партикулярном каком-нибудь деле, но в противных указам и св. отец правилам поступках.

Епископ воронежский Феофилакт донес Синоду о следующем с ним происшествии: в крестовой палате при многих людях поп Ефимов, подавая доношение о пострижении одной купчихи, приложил при доношении завернутый в бумажку рублевик. Он, архиерей, пришел в "зазрение и беспамятство" и бросил рублевик и отношение попу в глаза. Вслед за тем воронежская консистория донесла Синоду, что губернская канцелярия заарестовала епископа Феофилакта и для караула приставила к нему прапорщика с командою, присутствующие в консистории архимандрит и священник взяты в губернскую канцелярию и содержатся под караулом же. Архиерей велел иподиакону словесно донести Синоду, что он содержится по делу попа Ефимова, бумаги, пера и чернил ему давать не велено. Сенат приказал рypпустить архиерея и консисторских членов, если они схвачены не по первым двум пунктам. Из экстракта, присланного воронежскою губернскою канцеляриею, Сенат усмотрел, что в арестовании епископа Феофилакта виновен канцелярист Дмитриев, который подал запечатанное доношение по первому пункту на епископа и указал свидетелей - архимандрита и священника, почему и те арестованы. По определению канцелярии велено доносителя и обвиняемых по силе указа 1730 года послать в Тайную канцелярию, но не посланы потому, что из поданного доношения попа Ефимова и из рассказа Дмитриева обнаружилось содержание его доношения по первому пункту: он обвинял епископа в том, что тот бросил рублевик на землю, а на монете было изображение императрицы. Дмитриева за ложный донос высекли кнутом нещадно и сослали в Оренбург.

В самом Синоде происходили частые столкновения его членов с обер-прокурором кн. Шаховским. Шаховской заметил, что духовные особы берут над ним верх разумом и красноречивым объяснением своих действий, поэтому небезопасно было вступать с ними в споры без приготовления, без изучения духовных дел и всего связанного с интересами духовного начальства. Другая опасность борьбы состояла в

том, что Синод при благочестивой императрице получил большее значение, чем имел прежде; духовник Елисаветы протоиерей Дубянский и фаворит Разумовский были всегда готовы заступиться за него перед Елисаветой. Главным поводом к столкновению были интересы материальные. По указу Петра Великого синодальные члены должны были получать определенное им жалованье только в том случае, когда доходы их (архиереев с епархий и архимандритов с монастырей) были меньше этого жалованья, и тогда им должно было добавить из него к сумме доходов, для чего они прежде всего должны были объявить эту сумму. Но они, не объявляя доходов, потребовали себе полного жалованья. Шаховской не соглашался и требовал со своей стороны, чтобы члены Синода или объявили свои доходы, или просили себе жалованья у императрицы с отменой закона Петра Великого. Синодальные члены подали императрице жалобу на Шаховского, что он незаконно препятствует выдаче им жалованья. Елисавета потребовала объяснения у обер-прокурора и признала его поведение вполне законным. Шаховской хвалится в своих записках, что сберег таким образом более 100000 рублей.

Синодальные члены отомстили ему за такое сбережение, отказавшись выдавать ему самому жалованье из синодальных доходов на том основании, что не имеют точного на этот счет указа. Шаховской в свою очередь жаловался императрице на письме; прошло два месяца - никакого ответа. Он подал вторично письмо; прошло четыре месяца - никакого ответа. Шаховской обратился тогда к фавориту Разумовскому, и тот обещал свое ходатайство. Через несколько недель случился церковный праздник, и Шаховской отправился ко всеночной в большую придворную церковь, где была и Елисавета. Императрица обыкновенно становилась позади правого клироса, недалеко от певчих; поговоря немного с ними и взявши одну богослужебную книгу, она подозвала к себе обер-прокурора и показала ему, как книга была неисправно напечатана. Шаховской воспользовался удобным случаем, чтоб в очень некрасивом виде представить поведение людей, лишаящих его жалованья. Императрица милостиво его выслушала и потом, чрез несколько времени подозвавши его опять, сказала: "Я виновата: все позабываю о твоём жалованье приказать". Но прошло еще более двух месяцев, а указа о жалованье не было, как случился другой праздник, и Елисавета, увидавши его, опять сказала: "Вот я забыла о вашем о жалованье", но на этот раз она подозвала сенатского обер-прокурора и велела ему завтра же ехать в Синод и объявить, чтоб не делали более препятствий к выдаче жалованья обер-прокурору из суммы, из которой он и прежде получал.

Другое столкновение у обер-прокурора с членами Синода произошло по поводу одного архимандрита, замеченного недалеко от монастыря, крестьянами в безнравственном поступке. Члены Синода старались замять соблазнительное дело. Шаховской настаивал, чтоб с преступником было поступлено по всей строгости законов. Члены Синода нашли средство внушить императрице, что крестьяне оклеветали архимандрита, что обер-

прокурор излишне строг и что от разглашения этого дела происходит всенародное посмеяние всему монашеству, что теперь им, архиереям, нельзя по улице ездить: пальцами на них показывают и вслух говорят оскорбительные слова. Внушение подействовало, крестьяне, как клеветники, были наказаны, архимандрит только переведен в другой монастырь, чтоб уничтожить память о деле, Шаховской подвергся немилости. Но он дождался своего времени. Однажды, когда ему случилось быть во дворце, императрица подозвала его к себе и с неудовольствием сказала: "Чего Синод смотрит? Я вчера была на освящении церкви в конногвардейском полку, там на иконостасе вместо ангелов поставлены разные болваны наподобие купидонов, чего наша церковь не дозволяет". Шаховской воспользовался случаем и с печальным видом повел речь о неурядицах, допускаемых Синодом, что он, обер-прокурор, подает беспрестанно предложения об уничтожении этих неурядиц, но этим возбуждает против себя только неудовольствие синодальных членов, которые под видом добродетели, истины и справедливости красноречиво закрывают ложь, как недавно случилось в деле архимандрита. Тут Елисавета с особенным любопытством спросила: "А разве дело решено не так, как следовало?" Шаховской постарался изъяснить и удостоверительно доказать злокозненные происки. На глазах у Елисаветы показались слезы, и она со вздохом сказала: "Боже мой! Можно ль мне было подумать, чтоб так меня обманывать отважились! Весьма о том сожалею, да уж пособить нечем". И после она не раз повторяла эти слова при своих приближенных, отзываясь с похвалою о Шаховском.

Тогда члены Синода решились на сильное средство, чтоб отделаться от невыносимого обер-прокурора. Генерал-прокурор князь Трубецкой призывает к себе Шаховского и объявляет ему великое неудовольствие императрицы, ибо синодальные члены, стоя на коленях перед ее величеством, со слезами просили, что им нет более возможности сносить докучные, дерзкие и оскорбительные письменные и словесные предложения и непристойные споры обер-прокурора, просили, чтоб или всех их уволить от присутствия в Синоде, или взять от них Шаховского. Елисавета, как обыкновенно с нею бывало под первым впечатлением, велела представить кандидата на обер-прокурорское место в Синод, и Трубецкой советовал Шаховскому не ездить туда более. Но Шаховской знал хорошо Елисавету и потому спросил у генерал-прокурора, имеет ли он точный указ, что ему не ездить более в Синод, и если имеет, то дал бы ему указ на письме. Трубецкой отвечал, что указа нет, а что он, принимая в соображение обстоятельства, только советует не ездить более в Синод. Но Шаховской не принял совета, на другой же день поехал в Синод и представил к решению затянутые дела, объявив, что если они не будут решены немедленно, то он доложит об этом ее величеству. Легко себе представить изумление членов Синода, один из которых сказал ему: "Знать вы спокойно прошедшую ночь спали, что теперь вдруг за такие хлопотливые дела принялись?" "Очень спокойно", - отвечал Шаховской. И так как дела не были решены, то он и исполнил свое обещание: при первом

удобном случае донес императрице, как много важных церковных дел по пристрастиям остается без решения и частые напоминания о них обер-прокурора только умножают ненависть к нему. Елисавета выслушала благосклонно и обещала помочь ему. Тогда Шаховской обратился к генерал-прокурору с просьбою представить его кандидатом на президентское место в одну из коллегий. Трубецкой исполнил просьбу немедленно, но получил в ответ от императрицы: "Он мне в Синоде надобен, и я его оттуда не отпущу, я довольно уже узнала его справедливые поступки".

Елисавета, как мы видели из рассказов князя Шаховского, откровенно признавалась, что забывала о делах. Люди нерасположенные обыкновенно приписывали это рассеянности, страсти заниматься мелочами, но нельзя не признать, что причиною забывчивости были и заботы о делах важных, о делах внешней политики, связанных с отношениями к людям близким. Не видя долго обер-прокурора Синода, легко было забыть о его борьбе с членами Синода, когда занимал важный вопрос войны и мира, когда канцлер по поводу этого вопроса боролся с вице-канцлером, когда вследствие того же вопроса надобно было зорко следить за отношениями великого князя-наследника и жены его. Мы видели торжество Бестужева над противниками в прусском вопросе. Воронцов был за границу. В переписке своей с ним Бестужев называл вице-канцлера своим искренним и нелицемерным другом, а себя вернейшим и усерднейшим его слугою, извещал, что императрица всегда милостиво отзывается об нем и его жене, писал: "Я без похвалы сказать могу, что редко такой день проходит, когда б я с прочими вашего сиятельства приятелями за здравие ваше не пил". Но Воронцов был оскорблен тем, что канцлер не согласился сообщать ему за границу известия о важных секретных делах. Еще более огорчился он, когда узнал об удалении из Петербурга человека, который был его правою рукою и, как говорят руководителем в коллегии Иностранных дел, Адриана Неплюева, назначенного резидентом в Константинополь: Воронцов не скрыл своего неудовольствия в письме к Бестужеву, и тот отвечал ему: "Что ваш сиятельство принятой резолюции в представлении Адриана Ивановича к отправлению в Царьград удивляетесь, то я, сие в своем месте оставляя, к тому прибавить за потребно нахожу, что каков он, по мнению вашего сиятельства, нашей коллегии надобен быть ни казался, то, однако ж, я вам могу засвидетельствовать, что ежели дела не лучше, то по меньшей мере не хуже прежнего исправляются, как ваше сиятельство по благополучном своем сюда возвращении о том сами из дел удостоверены будете, и я не примечаю, что отъезд его отсюда наималейшую какую остановку или отмену в делах причинствует и впредь причинствовать мог бы. Что же ваше сиятельство об усердии и преданности его ко мне упоминать изволите, то я уповаю, что вы сами засвидетельствовать можете, какое я взаимно еще прежде вступления вашего сиятельства в министерство и во время онога рекомендованием его в вашу милость и крайнейшим о его благополучии усердствованием попечение имел, так что я не думаю, чтоб отец за сына горячее вступаться мог, и потому, ежели у

него такие ко мне сентименты были, я оные уповательно заслужил, да и поныне еще никакой причины к жалобе не подал".

Из писем Бестужева ясно видно, как он боялся Воронцова, как льстил ему, желая войти с ним в прежние дружеские отношения, в прежнее политическое единомыслие, старался напоминать ему об его киевском мнении, направленном против Пруссии. Говоря о мире между Австриею, Саксониею и Пруссиею, Бестужев пишет: "Ежели бы киевское вашего сиятельства мнение в действо произведено было, то, всеконечно, всего того не воспоследовало бы. Труды же и убытки, причиненные движением войск наших, мне ни малейше излишними быть не видятся, ибо там по меньшей мере резонабельнейший мир заключен, нежели бы того при столь полезных короля прусского авантажах, когда б и мы в оплошном состоянии были, ожидать надлежало. Такие со стороны ее импер. величества премудрые предосторожности еще вящим усилием войск неотменно продолжаются, ибо вашему сиятельству довольно известно и вы представлениями своими ее импер. величеству неоднократно напоминали, какого мы опасного соседа имеем, который ничего более за свято не поставляет".

Воронцов проехал Италию, Францию. Отовсюду он писал своему двору, как его принимали. Бестужев не упустил случая возбудить в нем неудовольствие против французского правительства, выставив не очень почетный прием, ему сделанный. "Подлинно, - писал он, - вашему сиятельству во всех французских городах толико чести, как коронованной главе, оказано, ибо для вас гарнизоны в ружье ставили, и из пушек стреляно, и капитаны с целою ротою для караула придаваны бывали, почему я ожидал, что потому ж и в Париже прием для вашего сиятельства распоряден будет. Но в какое я удивление пришел, когда я весьма противное тому усмотрел, особливо же, что ее сиятельству дражайшей вашей супруге табурета у королевы не дозволено, которая честь, однако ж, всем знатым гишпанским дамам и посольским женам, которых ее сиятельство как по рангу своему, так наипаче по природе не меньше чинится, и, по моему слабому мнению, лучше было б королевы совсем не видеть, нежели только мимоходом приветствованною быть".

Бестужев удивлялся также, что министр Людовика XV маркиз Даржансон не говорил с Воронцовым о делах. Но канцлер не мог заметить ничего против приема, какой сделан был Воронцову в Пруссии на возвратном пути. Воронцов писал о разговоре своем с Фридрихом II в Потсдаме 10 июля: "Его величество по принятии моего поклона мне говорить изволил, что как донныне общая дражайшая дружба с ее император, величеством с начала счастливого вступления ее на престол толь благополучно взаимно содержана была, так ныне с немалым прискорбием оную видит совершенно алтерировану, что с своей стороны к тому. никакого повода никогда не подал, кроме что его неприятели и зломыслящие, завидуя сей тесной дружбе, всячески стараются оную испровергнуть ив ссору привести разными лживыми внушениями и о которых никто доказать не может, чтоб

он, король, какие-нибудь неприятельские виды до ее император. величества и до государства Российского имел, но ниже что впредь учинить хочет, еже ее императ. величеству в противность быть может, в чем детестирует всякого, кто б против сего правильно сказать мог. Я на сие его величеству ответствовал, что по отъезд мой, сколько мне известно было, ее императорское величество с своей стороны всегда соизволила желать с ним, королем, в непрременной дружбе пребывать: того ради надеюсь, что и поныне в тех же полезных сентиментах находиться изволит. Его величество на сие репликовал, что он по обращениям дел видеть может, что оные до такого экстремитета доводятся, чтоб или ее императ. величество прямо недружески на него наступить имела, или его, столько огорчивши, принудить, чтоб он сам на действие поступил, к чему с своей стороны никогда не намерен сие учинить, разве бы с обеих сторон напрасно себя разорить хотели, но все происшедшие неудовольствия сколько возможно терпеливо снести имеет. Я спросил его величество, в чем состоять имеют сии наущения неприятелей его величества? На то его величество сказать изволил, что внушено было, будто он при турках и в Польше разные возмущения против России производил, что в Швеции наступательный трактат заключить хочет, по которому завоеванные от Швеции провинции им назад возвратить обещает, что все сие такая мерзкая ложь, что ее император. величество ни единого человека как в Швеции, так и инде сыскать не изволит, который бы о сем деле доказать мог, в чем он меня своим королевским словом обнадежить может, что все вышеупомянутое ложно затеяно, а что с Швециею оборонительный трактат заключить намерен, о том уже давно при дворе ее импер. величества объявил".

Фридрих II подарил Воронцову богатую шпагу с бриллиантами и велел даром возить по всем своим областям. Мардефельд в своих письмах к Воронцову называл его наидостойнейшим министром и наичестнейшим человеком во всей Европе. Это очень не понравилось в Петербурге. Очень не нравилось также сближение Воронцова с принцессою Ангальт-Цербстскою, хотя Бестужев отправил от имени императрицы приказ Воронцову, чтоб жена его не целовала руки у принцессы. Принцесса дала Воронцову письмо к дочери, но Воронцов по какой-то удивительной рассеянности отправил его по почте, и оно попало в руки Бестужеву. В письме своем принцесса жаловалась, что Екатерина редко пишет к ней и это производит дурное впечатление. Жаловалась, что великий князь удалил от себя Брюммера и Берхгольца, людей вполне ему преданных; жаловалась, что в Голштинии преследуют доверенных слуг брата ее, бывшего администратора, теперь наследного принца шведского; дурное впечатление производит то, что первое время вступления великого князя в управление ознаменовано гонениями; по мнению принцессы, во всем виноваты датчане, которые стараются перессорить родственников принцев голштинских. "Я в графе Воронцове, - писала принцесса, - нахожу человека испытанной преданности, исполненного ревности к общему делу. Я откровенно сообщила ему свои мнения, что всеми мерами надобно

стараться о соглашении. Он мне обещал приложить об этом свое старание. Соединитесь с ним, и вы будете более в состоянии разобрать эти трудные отношения, но будьте осторожны и не пренебрегайте никем. Поблагодарите вице-канцлера и его жену Анну Карловну, что они для свидания с нами сделали нарочно крюк. Усердно прошу, сожгите все мои письма, особенно это".

Бестужев, представляя письмо Елисавете, по обычаю снабдил его своими примечаниями: "Когда принцесса Цербстская отсюда поехала, то сближение вице-канцлера с Лестоком, Трубецким и Румянцевым еще не было вполне утверждено, что, по моему мнению, и означает соглашение, *примирение духов* (reconciliation des esprits). Вице-канцлер мог обещать приложить свое старание, ибо, как показал племянник Лестока Шапизо, Воронцов во время путешествия своего уже производил с Лестоком конфидентную переписку. *Соединитесь с ним*: если б это только означало низвержение канцлера, то не было бы нужды в такой таинственности, не было бы нужды принимать так много мер. *Сожгите, прошу прилежно, все мои письма, особливо же сие*. Прилежная просьба о сожжении всех писем показывает, что и прежние письма не меньшей важности были, как и это". Бестужев жаловался императрице, что от великого князя и великой княгини ходят письма мимо его, пишутся они и к подписанию носят Олсуфьевым, тогда как сделано распоряжение изготовлять их в Иностранной коллегии и член коллегии Веселовский должен носить их к их высочествам для подписания.

Много также вредили Воронцову перехватываемые депеши Дальона. "Императрица, - писал Дальон, - прекрасная, чрезвычайно приятная, величественная, разумная и проникательная, составила бы благополучие народов и приводила бы иностранцев в удивление, если б не была слишком предана забавам. Она скрытна и подозрительна, крайне горда, не знает, что такое благодарность: это испытала на себе Франция. Ни к какой иностранной нации она не показывает пристрастия, свой народ чрезвычайно любит, но еще более боится его. Бестужев ненавидит французов, особенно по внушениям брата. Он продает императрицу за чистые деньги англичанам, австрийцам и саксонцам, не отнимая от себя, впрочем, свободы подбирать и где-нибудь в другом месте; он им обещает употреблять в их пользу русские силы, но им не служит. Воронцов - человек небольшого ума. Неопытность вовлекла его в большую часть проектов Бестужева, однако он имел силу многие из них не допускать до осуществления. Нация вздыхает больше всего о покое и тишине, иностранцев ненавидит, и имеет право, ибо если они принесли многие знания, зато и употребляли их во зло. Барон Черкасов чрезвычайно насильственный и грубый, но притом умный и искусный человек, особенно в науке пользоваться слабостями своей государыни; этими качествами он придает чрезвычайно важное значение своему месту, которое само по себе невысоко. Он правая рука канцлера и чудное в глазах нации качество имеет всех вообще иностранцев ненавидеть". Дальон решился даже написать

своему двору о возможности, что канцлер возьмет сторону принца Иоанна (бывшего императора) против существующего правительства. На это известие Бестужев делает очень важное замечание, из которого видно, что он чрез Воронцова и Лестока вошел в сношения с Елисаветой до ее восшествия на престол: "Ее величество о несомненной канцлеровой верности еще прежде всерадостного восшествия на прародительский престол чрез графа Михайлу Ларионовича и Лестока удовлетворительные опыты получила и о том все милостивейше вспомнить изволит".

Несмотря на не очень лестные отзывы о способностях Воронцова, Дальон с нетерпением ждал его возвращения, продолжая ласкать себя и своих надеждою, что вице-канцлер свергнет канцлера. Дальон в своих депешах делал сильные выходки против великого князя, который сначала публично, и не раз, говорил о канцлере Бестужеве как о величайшем плуте и бесчестнейшем человеке, а теперь допустил его к себе как довереннейшего человека. Принц Август, брат и неприятель кронпринца шведского, и Пехлин, бывший голштинским министром в Стокгольме, - вот главные орудия, которые употребляет канцлер, чтоб войти в приближение к наследнику. Дальон ходатайствовал о возобновлении годовой пенсии в 4000 ливров княгине Долгорукой (Ирине) и графине Румянцевой. Долгорукая, урожденная Голицына, находилась в свойстве со всею знатью при дворе; сын ее, возвращающийся из Парижа, верно будет употреблен в Иностранной коллегии; Румянцева в большой милости у императрицы. Явное торжество Бестужева приводило в отчаяние Дальона; он видел все в черном свете и ждал спасения от приезда Воронцова. "Все зло состоит в том, - писал он, - что больше уже не знают, каким путем доводить до государыни свои мнения, всякий держит себя в величайшей скрытности, и если граф Воронцов не приедет для скорейшего поправления дел, то здешний двор скоро будет походить на султанский, при котором видят только верховного визиря и разговаривают только с ним; впрочем, здешний двор довольно уже походит на султанский по другим обстоятельствам, которые вы без труда отгадаете. Не знают ныне здесь ни веры, ни закона, ни благопристойности". На это Бестужев заметил: "Сии и сему подобные Далионом чинимые враки ему неприметным образом путь в Сибирь приуготовляют, но понеже оные со временем усугубятся, да и по приумножающейся Мардефельдовой к нему конфиденции нечто и о прусских происках иногда svelено быть может: того ради, слабейше мнится, ему еще на несколько время свободу дать, яд его долее испущать".

Удаление Брюммера и Бергхольца от великого князя и из России было новым ударом для французских интересов. Дальон пишет: "Брюммер и Бергхольц отъезжают - первый с пенсиею около 3000 немецких талеров, а другой и меньше того. Князь Репнин, один из приятнейших и умнейших людей в России, сделан обер-гофмейстером двора великого князя, а госпожа Чоглокова, племянница императрицы, объявлена обер-гофмейстериною великой княгини, ибо они в совершенной зависимости от

канцлера. Этим переменам предшествовало заарестование одного старого камердинера великого князя, к которому он питал большую доверенность. Арестовали его в час пополуночи с женою и детьми и, верно, отвели в крепость, где, без сомнения, находится и секретарь Брюммера. Весьма строго запрещено всем приближающимся к великому князю говорить ему об этом заарестовании. Постановлено, что лакеи великого князя будут еженедельно переменяться. Брюммер и Бергхольц, люди, преданные французским интересам, удалены от великого князя с его позволения; в этом принце ежедневно происходят перемены к его невыгоде; он совершенно предался канцлеру Бестужеву, дознанному и самому опасному врагу Голштинского дома. Довершая свое ослепление, великий князь делает или своим именем делает допускает все, что может повести к полному несогласию между ним и кронпринцем шведским. Поступают наперекор Петру Великому относительно духовенства, допускают его день ото дня приходить в большую силу, и здешняя страна походит на страну инквизиции. Императрица делает это для прикрытия некоторых обстоятельств своей жизни, но страна придет в прежнее варварское состояние, ибо духовенство не может получить верха без помощи невежества и суеверия".

Об удалении Брюммера и Бергхольца Мардефельд таким образом донес своему двору: "Принц-администратор дал знать Брюммеру и Бергхольцу, что великий князь не признает удобным, чтоб долее они здесь жили, тогда они стали просить отпуска и тотчас его получили". Бестужев заметил на это донесение: "Весьма ложно Мардефельд доносит, будто великий князь Брюммера и Бергхольца выслать хотел, но им определения о пожаловании амтов и пенсий вручены, на что они, однако ж, грубым и непристойным образом абшидов своих требовали, не прося ни словом о пенсиях, следовательно, с достоинством и честью его импер. высочества не сходствовало б им милость свою пожаловать".

Наконец Воронцов возвратился в Петербург в августе описываемого года, и Дальон дал знать во Франции, что доволен визитом, который он сделал вице-канцлеру. Он выслушал сообщенные мною известия о бывших в его отсутствие приключениях с таким видом, из которого можно понять, что перемена сцены за ним не стала бы. Воронцов, очевидно, огорчен на Бестужева и сказал мне, что зло происходит некоторым образом оттого, что отовсюду писали в Петербург о скорой перемене, имеющей последовать по возвращении его в Россию. На этой депеше, захваченной, прочитанной и отданной Воронцову, тот писал: "Хотя ваше импер. величество и изволили повелеть нарочно подавать повод, дабы чрез то можно более что выведать о намерениях Дальоновых, токмо сие не без опасности кажется с ним вступать в дальний разговор, ибо и без того разных неосновательных рассуждений и толкований много происходит. На сей пассаж более от меня ничего не сказано было, как токмо что как о отъезде моем отсюда, так и о приезде много напрасных толкований в иностранных государствах

происходило, равномерно как и о пустых ожиданиях какой-либо перемены здесь".

Но Бестужев сделал такую заметку: "Сие с учиненным Далионом Даржансону в прошлом, 1745 году предварительным обнадеживанием, а именно что вице-канцлер для обучения своего разные европейские дворы посещать, а потом сюда для опровержения своего товарища приехать и главное правление дел себе присвоить намерен, весьма сходствует. Ее импер. величество по природной своей прозорливости из того без затруднения рассудить может, какое бедное и сожальительное канцлерово житье есть, будучи уже двадцать шестой год в министерстве и коль легко малый остаток слабой памяти его поврежден быть может, ежели всещедрейшим ее импер. величества защищением от того освобожден не будет, ибо канцлер почти ежедневно принужден или неприятные известия от французских министров о своем низвержении не за что иное, как токмо за то, что он ее импер. величеству всею душою своею предан и, несмотря на все препятствия и прекословия о благе империи, крайнейше старается слышать, или же иногда вместо отправления прямых дел невинно начатую и впредь ожидаемые явки очищать, еже при случае посылки галер в Ревель учинилось, хотя оное собранным в Петергофе советом для потревоживания в Стокгольме французско-прусской партии, а для одобрения добронамеренных патриотов, следовательно, в пользу ее императ. величества всевысочайших интересов на мере постановлено, а потом ее императ. величеством апробовано и подписанием указа подтверждено было. И потому канцлер как из предыдущего, так и из сего последнего заключить основательную причину имеет, что неприятели его вице-канцлера на него преогорчили и с ним ссорили, потому что канцлер в делах ее императ. величества с покойным князем Черкасским и тайным советником Бреверном никогда таких споров не имели, и дабы от таких споров и прекословий и невинного преогорчения избавленным быть, то канцлер всеглубочайше просит его от такого печального в пятьдесят четвертом году своей старости жития защитить и освободить".

Канцлер был защищен и освобожден.

В конце года Дальон с отчаянием писал Даржансону о чрезвычайном усилении Бестужева: "В обхождении моем с графом Воронцовым я в точности последую вашим намерениям. Я с великим старанием его приласкаю; внушаю ему опасения для будущего как относительно императрицы, так относительно его лично; я побуждаю его к принятию сильных предосторожностей; я заставляю действовать в нем самолюбие. Если что можно сделать, то помощи надобно ожидать от времени. Вице-канцлер находит на пути своем такие препятствия, которые преодолеть очень трудно. Бестужев в последнее время такое дело сделал, которое ему упрочивает милость и доверенность и разрушает планы графа Воронцова: он женил своего единственного сына на племяннице графа Разумовского. Очень прискорбно для меня и вредно для королевской службы, что

препятствия день ото дня умножаются, так что я теперь не усматриваю, что нам больше делать при этом дворе, как только продолжать борьбу с господствующею партией, пользоваться обстоятельствами и всеми способами беспокоить Россию".

Воронцов, видя холодность со стороны императрицы, в декабре решился написать ей: "Всенижайше у вашего импер. величества позволения испрашиваю, как вашему верному рабу донести бедное и мучительное состояние моего сердца, которое от самого приезда моего денно и ночно столько страждет и печалится, видя дражайшую милость вашего и. в-ства к себе отменну. Какую ж я от того скорбь и печаль терплю, о том всевидящему богу известно, а мне здесь никак писать не можно. Я должен думать, что тонкая и хитрая злость только умела неприметно вкрасться и так бессовестно повредить меня у вашего и. в-ства и такими красками написать, что я ежели уже неверным вовсе, то хотя по малой мере сумиительным пред глаза вашего и. в-ства представлен нахожусь. Бог свидетель сердца моего, сколько много я сверх моей всеподданнической должности ваше и. в-ство люблю и за вас живот мой во всяком случае отдать хочу: того ради не знаю, за что б мне лишиться дражайшей вашей милости и прежней поверенности? О партикулярной же чьей верности и услуге к высочайшей вашей персоне я готов со всяким счастьем, кто б он таков ни был, ежели б похотел лучшею ревностию и доброжелательством к вашему и. в-ству персонально и к интересам вашим радетьнее быть, нежели я, с которым намерением и до конца жизни моей пребуду".

Это письмо служило лучшим доказательством торжества Бестужева, но торжествующий канцлер находился в затруднительном положении: он был небогат, а место, им занимаемое, требовало жизни на широкую ногу. Он жаловался, что не может принимать и угощать иностранных министров в своем бедном и тесном доме; императрица подарила ему большой дом, но его нужно было отделать, а средств не было. Канцлер обратился к английскому посланнику лорду Гиндфорду; прежде деланы были ему предложения от лондонского двора насчет подарков, но он не принимал; теперь, имея крайнюю нужду в деньгах, разорившись на отстройку великолепного дома, просит займы 10000 фунтов без процентов под залог дома. Гиндфорд отвечал, что король не может исполнить этой просьбы по причине убыточной войны, так что министры и послы королевские около двух лет не получают жалованья, но Бестужев настаивал, чтоб Гиндфорд отписал об этом своему двору. Статс-секретарь по иностранным делам Гаррингтон справился, что происходило во время посольства Вейча, относительно подарков Бестужеву и нашел, что Вейч никаких денег Бестужеву не давал, хотя имел на то полномочие. Гиндфорд предложил канцлеру 5000 фунтов в виде подарка, но тот подарка не принимал, продолжал просить денег займы, говоря, что желает навсегда сохранить руки и совесть свою чистыми, в принятии же денег займы без процентов может оправдать себя, потому что в России это случается каждый день. Наконец английский консул Вульф дал ему займы 50000 рублей под

заклад дома. Так как тогда требовался особый свидетель на каждую тысячу рублей, то Бестужев собрал в свидетели 50 человек из своих неприятелей, чтоб отвратить подозрение, будто деньги ему подарены, показать, что он очень беден, и побудить императрицу заплатить за него долг.

4 января при докладе канцлер имел удовольствие услышать от императрицы, что надобно постараться без замедления заключить союзы с венским и датским дворами. Со стороны венского двора нельзя было ожидать медленности.

От 15 числа февраля Ланчинский доносил из Вены, что граф Улефельд сказал ему: "Правда, прежняя система переменилась, но для будущего времени на всякий случай надобно обоим дворам принимать меры". И скоро потом Улефельд объявил, что желается союз 1726 года перелить в другую форму к общему благу обоих дворов и государств. Это желание усиливалось особенно сближением Саксонии с Францией, заключением между ними договора, по которому Франция должна была платить субсидии Саксонии. Особенно взволновало Вену известие о браке дофина на саксонской принцессе Марии. "В публике бесконечно о том резонируется, - писал Ланчинский 8 ноября, - что супружество это как немецкой империи вообще, так и здешнему дому в особенности фатально: Франция до сих пор распоряжалась в империи по произволу посредством Пруссии и отчасти Саксонии, а теперь и подавно будет предписывать законы. Король неаполитанский уже имеет в супруестве старшую дочь польского короля, а теперь уже другая замашка Бурбонского дома на австрийское наследство. Теперь надобно смотреть, как саксонский двор употребит свои полки, а французские субсидии, без сомнения, ему удвоятся. Правда, в этом супруестве два благоприятных обстоятельства: прусский двор по своей недружбе к саксонскому не будет так расположен к Франции; потом это супружество произведет досаду в Испании, которая прочила за дофина вторую свою принцессу, но все это - слабое утешение: найдет Франция способы все согласить, всех удовлетворить".

В России были согласны на возобновление союзного договора 1726 года с некоторыми изменениями: так, в проекте выключено было обязательство подать помощь Австрии в нынешней ее войне с Францией, и когда уполномоченный Марии Терезии барон Бретлак жаловался на это ограничение договора, то канцлер отвечал, что такая помощь была бы для России в очевидную тягость без всякой взаимности. Бретлак объявил, что он имеет два полномочия для заключения союза: одно от императрицы-королевы, а другое от супруга ее как императора германского; кроме того, двор его желает вместе с русским пригласить к союзу короля польского и республику, также короля английского в качестве курфюрста ганноверского; последний самым тайным образом велел внушить венскому двору, что как скоро будет заключен союз между императрицами русскою и римскою, то он приступает к нему с обязательством выставить 18000 войска, и если король прусский нападет на Россию или Австрию, то он

обещает не только все свои силы, но и всю лежащую в Ганновере казну употребить на усмирение этого опасного соседа. Бретлак уведомил, что имеет известие, будто прусский король старался заключить четверной союз с Франциею, Швециею и Даниею, но будто от последней державы еще мало к нему склонности оказывается. От Швеции же Фридрих II домогается уступки остальной Померании, чтоб сделать Пруссию морскою державою, и обещает за это не только большую сумму денег, но и 9000 войска в полное распоряжение Швеции.

Бретлак сообщил также копию письма Бонневаля к прусскому министру Подевилюсу от имени великого визиря. В письме говорилось об общих интересах Турции и Пруссии, говорилось, что Порта безмерно уважает заявления дружбы, полученные от берлинского двора, что она с честью и удовольствием примет прусского министра, в каком бы характере он ни явился, если его прусское величество имеет еще пространнейшие мысли, то султан и визирь с радостью сделают все, что будет служить к удовольствию его прусского величества, к безопасности и благополучию обеих империй; все будет сделано по инструкциям того министра, который приедет из Пруссии с публичным ли характером или для большого секрета и без характера, как простой путешественник. На это письмо Бестужев написал замечания: "В чем общий прусский и турецкий интерес иначе состоять может, как в обессилении российского и венгерского дворов? Такие королем прусским Оттоманской Порте учиненные авансы о заключении с ним тесного союза нималейше с поданными Мардефельдом здесь письменными декларациями о неимении будто никаких с турецким двором корреспонденций не сходятся, но паче усматривается, что чинимыми им повсюду и при самой Оттоманской Порте происками об усилении себя союзами и партиями он ничего иного в виде не имеет, как чрез долго или коротко всемерно что-либо против России предпринять и с сей стороны себя безопасным учинить, как и подлинно сущий его интерес в том состоит, но дабы взаимно для будущей безопасности своей, колико возможно, надежные меры принять, то необходимо потребно было, видится, совет собрать для рассуждения в оном о том, каким образом государственные доходы прибавить, а излишние издержки убавить, дабы в состоянии быть еще 50000 человек перед прежним более войска содержать, которые кроме нынешних опасных обстоятельств по обширности здешней империи всегда потребны".

Бретлак доставил канцлеру перехваченное австрийцами письмо маркиза Даржансона к французскому министру в Берлине Валори. В письме говорилось, что прусский король главное препятствие своим замыслам встречает в России, которая мешает ему и в Швеции, и в Польше, и потому надобно принять сильные меры для воспрепятствования петербургскому двору держать в своей зависимости такие значительные государства, как Швеция и Польша. Мы, писал Даржансон, имеем надежду при Оттоманской Порте найти способы занять царицу с этой стороны и со стороны Персии. По-видимому, мир между Турциею и Персиею скоро

будет заключен, и было бы естественно соединиться им против той державы, которая становится им все опаснее, особенно если они дадут ей время еще усилиться союзами с другими державами. С этой целью в Константинополе сделаны проекты для завязания сношений и заключения союза между Турциею и Пруссиею. Ищите всех способов для занятия и тревожения царицы. Король для достижения этой цели не упустил ничего в согласном действии с королем прусским. Последний государь имеет все нужные для этого политические и военные качества. Мы сильно были встревожены известием о его болезни; нам нужно, чтоб он жил и здравствовал, он один своими великими качествами может обеспечить вольность империи, равновесие на севере и во всей Европе.

Все эти сообщения, разумеется, могли содействовать только ускорению переговоров о союзе. 22 мая договор был подписан императрицею. Он состоял в следующих условиях: в случае нападения на одну из договаривающихся сторон другая высылает на помощь через три месяца по востребовании 30000 войска, 20000 пехоты и 10000 конницы, исключая нападения на Россию со стороны Персии, а на Австрию - со стороны Италии, и во всяком случае Россия не помогает Австрии в войне ее с Испаниею, а только держит наготове 30000 войска, равно как и Австрия в случае нападения на Россию с персидской стороны. Помощь не подается, если обе державы в одно время подвергнутся нападению. Ни мир, ни перемирие не заключаются без взаимного согласия. Король и республика польские приглашаются к союзу, равно как и другие государи, особенно король английский как курфюрст Ганноверский. Договор заключается на 25 лет. В случае нападения турок на одну из договаривающихся сторон другая немедленно объявляет войну Порте и вступает с войском в ее владения. Австрия гарантирует герцогу Голштинскому, великому князю Петру Федоровичу, все его владения в Германии. Настоящая война Австрии с Франциею из договора исключается, но если б по заключении мира Франция снова объявила войну Австрии, то Россия обязана выслать на помощь Австрии 15000 войска или дать полмиллиона денег; такое же обязательство имеет Австрия в случае объявления шведами войны России. На случай нападения со стороны Пруссии обе договаривающиеся стороны держат наготове по 30000 войск в пограничных областях: Австрия в Богемии, Моравии и ближних венгерских уездах, а Россия в Лифляндии и Эстляндии; а когда прусское нападение действительно последует, то обе державы в самоскорейшем времени выставляют по 60000 войск, до тех пор пока уступленные Пруссии часть Силезии и Глац будут возвращены Австрии, которая в благодарность обязывается в один год выплатить России два миллиона рейнских гульденов.

Новая союзница, как мы видели, сильно беспокоилась насчет Саксонии. После заключения Дрезденского мира Мих. П. Бестужев счел необходимым обратиться к графу Брюлю с вопросом: что намерен теперь делать саксонский кабинет? Брюль отвечал, что после разорения их земель, армии, купечества, мануфактур они принуждены были заключить мир с

прусским королем и теперь не в состоянии начертать какой-нибудь твердый план своей будущей политики; все дальнейшие меры короля главным образом зависят от союзнических и дружеских советов ее императорского величества, ибо король при нынешнем его деликатном отношении к Пруссии положению ничего не предпримет без ведома и сношения с ее величеством. Бестужев доносил своему двору о словах Фридриха II, сказанных в Дрездене саксонским вельможам: "Я знаю, что вы надеялись на русскую помощь, но вы сами теперь видели, что помощь эта скоро подана быть не может, а если б Россия мне действительно сделала диверсию в Пруссии, то не думайте, чтоб я, испугавшись, покинул мои операции здесь: напротив, разоривши до конца всю вашу землю, я принудил бы вас к миру и привел бы в такое состояние, что вы потеряли бы всякую способность вредить мне. Я внутреннюю силу и слабость России знаю очень хорошо, как свои пять пальцев; у ней людей довольно, да денег нет, почему сильную помощь союзникам своим дать не может, и так как я всегда должен опасаться этой державы, то и Саксонии в отношении к ней надобно действовать заодно со мною, особенно если ваш государь хочет, чтоб будущий польский сейм состоялся". По поводу этих слов Бестужев писал: "Вследствие побед прусского короля влияние и кредит его в Польше чрезвычайно умножаются, и потому вероятно, что будущий сейм будет немало от него зависеть. Имея такую сильную армию, он долго покоен не останется, но либо в империи, либо на севере вдруг что-нибудь предпримет, также и Швеции не оставит без внимания".

23 января Бестужев по приказанию от своего двора внушал королю Августу, что императрица крайне соболезнует о приключившемся несчастьи с Саксониею и принимает в нем истинно дружеское участие. Как усердно она старалась исполнить свои союзнические обязанности, король может видеть из того, что как скоро прусский манифест против Саксонии был издан, то русские полки двинулись в Курляндию, но позднее время года не позволило им прямо идти в Саксонию. И вперед императрица будет свято исполнять свои обязанности. Так как быстрые успехи прусского короля над саксонскими и австрийскими войсками ясно показывают, что в советах и принимаемых против него решениях или весьма плохой секрет был содержан, или, может быть, при здешнем дворе находятся некоторые подозрительные особы, которые о всем сообщали в Пруссии и таким образом обращали в ничто все принятые меры, то императрица по союзнической дружбе не могла не предостеречь короля в этом отношении. Король отвечал благодарностью за участие и признался, что действительно прусский король обо всем знал заранее, чему преимущественно способствовал находящийся при саксонском дворе шведский министр, давая известия о каждом движении саксонских войск; а в австрийской армии два человека находятся в подозрении. Саксонские министры передавали также Бестужеву, что в Потсдаме ежедневно происходят конференции с шведским министром, которого особенно там ласкают. Происходящее теперь усиление прусской армии не оставляет сомнения, что Фридрих II, заключив союз с Швециею, хочет что-нибудь предпринять,

тем более что со стороны обессиленных Австрии и Саксонии не ждет себе помехи. В величайшем секрете давали знать Бестужеву, что Фридрих II имеет в виду Торн, Эльбинг и Данциг; кроме того, велел двинуться корпусу войск к курляндским границам, во-первых, для того чтобы наблюдать за движениями русского войска, а главное, для того, что желает возвести на курляндский престол принца Брауншвейгского Фердинанда. Бестужев, сообщая эти известия, писал, что рано или поздно все это сбудется, потому что прусский король, видя, что его усиление несовместимо с безопасностью России (и Петр Великий имел твердым правилом не допускать до усиления Пруссии и Швеции), должен нападением на Данциг и польскую Пруссию умалить опасные ему силы России, причем получить помощь от своей сестры, от французских интриг и совершенно преданного ему шведского министерства, если Россия не поспежит расстроить его планов в Швеции.

Саксонский двор, жалуясь, что невыгодный мир заключен им из-под ножа, и указывая на разорение страны, твердил, что не может сам предпринять ничего, а будет смотреть на Россию; но будет ли подобно своему королю смотреть на Россию Польша - вот был самый важный вопрос для России. Приближался польский сейм, а Бестужев писал в Петербург, что по обыкновению надобно выслать к сейму деньги, меха и китайские камки для подкупа поляков. О расположении польских вельмож Бестужев отказывался дать верные известия из Дрездена: "По известному сего народа непостоянству и сребролюбию кто более денег даст, того партию и держат, может быть, те, которые на прошлом сейме были русскими приверженцами, теперь, будучи подкуплены прусским королем, держат его сторону". Когда Бестужев обратился к графу Брюлю с вопросом, на кого из польских вельмож надежнее положиться в общих интересах, тот отвечал: "Так как теперь многие из них находятся в прусской партии, то почти ни на кого с совершенною благонадежностью положиться нельзя; впрочем, постоянное, честнее и патриотичнее всех воевода русский князь Чарторыйский: с ним можно откровенно поступать; но от великого гетмана коронного Потоцкого и всей его фамилии, также от воеводы сендомирского графа Тарло надобно всячески остерегаться". Бестужев также доносил своему двору о французском эмиссаре Кастера, который определился в услужение к сендомирскому воеводе Тарло, ездил во Францию и теперь через Берлин, где пробыл несколько времени, возвратился в Польшу.

По предписанию из Петербурга Бестужев внушал королю, чтоб поспешил отъездом своим в Польшу, ибо поляки ропщут на долговременное его отсутствие. Король отвечал: "Мне известно, как меня поляки бранят, и вы сами знаете, как они прошлого года на сейме ругательски поступали, и хотя я целую ночь, сидя на троне, уговаривал их и милости обещал, но ничего из этого не вышло. Поляки сами так мало о своих собственных интересах пекутся и междоусобные их ссоры до такой степени не позволяют ничего полезного сделать, что на этот непостоянный,

легкомысленный и корыстолюбивый народ никак положиться нельзя". То же повторяли и министры.

Но кроме поляков Брюль жаловался на венский двор. Из Вены посылали в Петербург известия, что Саксония заключает с Франциею субсидный договор. Бестужев требовал объяснения, Брюль постоянно отпирался и говорил: "Мы здесь с великим прискорбием видим, что императрица подозревает наш двор и верит лживым против него внушениям. Венский двор, забыв все наши благодеяния, забыв, что мы спасли Богемию, жертвуя собою, возбуждает подозрения между вами и нами в противности собственным интересам. Он злится за то, что здешний двор слепо по его воле и прихотям не поступает. Для доказательства того, что мы не вступали ни в какие обязательства ни с какою державою, король готов сейчас же приступить к союзу, заключенному между Россиею и Австриею, как скоро вы его пригласите к тому, хотя мы имеем известие, что такое приступление наше к договору королю прусскому будет чувствительно и он будет стараться привлечь наш двор к своим обязательствам; но мы его угроз не боимся и пребудем верно при своих обязательствах с Россиею. Положим, что мы приняли французские субсидии, на что имели право, потому что морские державы отвергли нас почти с презрением; но в интересах ли венского двора поступать с нами так повелительно и грозно, отлучать от дружбы с вами, приводить в подозрение? Напротив, ему надобно было бы стараться утверждать доброе согласие и отводить нас от Франции ласкою".

Бестужев по этому случаю писал брату, канцлеру, что, по его мнению, не следует верить внушениям венского двора и оскорблять саксонский: "Вы, дражайший братец, мои сентименты знаете, что мне все дворы индифферентны, но едино смотрю и сколько смышлю высочайшей славы нашей всемилостивейшей государыни и благополучия и авантажу отечества нашего". На это дражайший братец отвечал ему следующее: "Я с немалым удивлением усматриваю, что вы неотменно *дюпом* (обманутым) господина Бриля быть продолжаете; но не думайте вы, чтобы он меня поныне *дюпировал*, или бы впредь в том преду спеть какую надежду иметь мог. Не нагло ли и не бессовестно ли есть, что граф Бриль, а по инструкции его и все прочие при иностранных дворах саксонские министры явно отрицаются, будто ни малейшего чего тайного с Франциею не постановлено, но вы из следствия явно и осязательно усмотрите, что ныне Брилево коварство, о коем мы здесь не по внушениям венского двора, как вы то неосновательно думаете, но по прямым и надежным каналам с самого начала ведали, наружу вышло. Вы можете уверены быть, что мы здесь прямо о первом начале трактования саксонским министром Лосом в Париже субсидиального и нейтрального трактата да и о том уведомлены были, что король французский прусского авертировал (уведомил), чтоб он ни малейшего омбража (подозрения) от трактования с саксонским двором не имел и для того его не токмо о прямой силе и содержании оногo, но и об имеющих политических причинах уведомил, а именно что сущий вид к тому распространяется, дабы курфюрста Саксонского, как с венским, так и с

российским императорскими дворами таким тайным соглашением в несогласие приведя, его дружбы и союза короля прусского поневоле искать заставить, и как по поводу того король прусский пребывающего при дворе своем саксонского, министра Бюлау о часто реченном тайном с Францией соглашении сондировал (допрашивал), то он по имевшему указу и его величеству прусскому в том на партикулярной аудиенции не признался.

Такой поступок, которым саксонский двор французского лживцем учинить хотел, уповательно его величество французское принудил здешнему своему министру Дальону повелеть здесь объявить, что действительно с Франциею (т. е. у Франции) с Саксониею субсидный трактат настоит, еже Дальон в последнюю со мною и вице-канцлером конференцию и учинил, но я для неподания французскому двору ни малейшего вида, что мы с саксонским по причине того в каком-либо недоразумении находимся, ему, не останавливаясь, отвечивал, что саксонский двор с нашего ведома и согласия на заключение субсидного с Франциею трактата в рассуждении плохих своих обстоятельств поступил и что ее имп. величеству не неприятно было б, если б его величество король французский дачу субсидий, хотя б еще толиким же числом, усугубил. Рассудите из всего вышеописанного, не имеем ли мы достаточную причину на саксонский двор по причине такой между союзниками необыкновенной и непозволительной скрытности негодовать и не основательно ли ее в-ство римская императрица на оный недовольною есть, толь наипаче, что такое тайное заключение субсидного и неутраального трактата с явным ее неприятелем учинено и по натуральному следствию того перепущение войск морским державам под всякими неосновательными и ложными претекстами не воспоследовало. Кто Саксонии в случае нужды, и когда б король прусский, взяв в претекст непризнание саксонским двором тайно заключенного с Франциею обязательства войну объявить и давно в виду имевшую Лузацию отнять похотел, более и существительнее, кроме ее импер. в-ства всероссийской и императрицы римской помогать, и в случае преставления ныне владеющего короля польского курсаксонскому дому действительнейшие услуги показать мог бы? И потому заслуживают ли сии две саксонского двора дружеские державы такого с стороны оногo к ним поведения?"

В сентябре сцена действия перенеслась из Дрездена в Варшаву, и польские дела стали на первом плане. Бестужев извещал, что виделся с Понятовским, воеводою мазовецким, князем Чарторыйским, воеводою русским, с братом его подканцлером, с Залуским, епископом краковским, и Малаховским, подканцлером, и всех их нашел в добром расположении к России, все говорили, что сохранение их отечества зависит от защиты русской императрицы и собранная в Лифляндии русская армия. удерживает прусского короля от нападения на них, но при этом говорили, что по поводу Курляндии будут большие крики на сейме. Бестужев писал, что французский посол старается восстановить кредит своего двора, потерянный при последнем королевском избрании, и составить партию для

принца Конти в случае смерти королевской, а саксонский двор ласкает его в надежде брака дофина на саксонской принцессе Иозефине. Прусский посол хлопочет, чтоб Польша вступила в союз с его королем, а не с Россией. Коронный гетман Потоцкий и воевода сендомирский Тарло в случае разорвания сейма думают поднять конфедерацию и посредством нее достигнуть умножения войска. Бестужев говорил об этом с воеводою русским князем Чарторыйским, самым постоянным и разумным из всех поляков, по его отзыву. Чарторыйский сказал, что слух не без основания, но он всеми силами будет стараться до этого не допустить, ибо такое дело приведет республику к крайнему разорению и гибели. Граф Брюль объявил Бестужеву, что мало надежды на успех сейма. О гетмане польном Браницком, гетмане литовском Радзивиле и товарище его Масальском Бестужев писал, что они показывают себя доброжелательными к России и не притворяются, особенно Радзивил, да и вся Литва доброжелательна к России; но другого духа гетман великий коронный Потоцкий со своею фамилиею, также Сапега, Яблоновские и Тарло, которые все склонны к Франции и Пруссии. Тарло прямо сказал Бестужеву, что республике не должно ни с кем вступать ни в какие обязательства.

Бестужев писал, что партия Чарторыйских, в которой находятся Понятовский, Радзивил, Браницкий, Масальский, сильнее партии Потоцкого по личному достоинству своих членов и потому ее необходимо еще более прикрепить к России. Князь Радзивил - человек богатый и бескорыстный, и потому его можно привлечь только особенным отличием, дарить соболями, китайскими вещами, но всего лучше подарить ему саблю, осыпанную алмазами. Князь Чарторыйский, воевода русский, богаче всех поляков, но ему хочется Андреевского ордена, о чем он уже два раза напоминал Бестужеву; князь Чарторыйский, вице-канцлер, и Понятовский, воевода мазовецкий, хотя люди небедные, но обременены семейством и потому возьмут пенсии в 5 или 6000 рублей; Браницкого, человека богатого, надобно дарить соболями или какими-нибудь галантерейными вещами. Радзивил рассказал Бестужеву, что приезжал к нему посол французский и уговаривал не отдаваться России, которая держит войско в Лифляндии только для того, чтобы напасть на Польшу и оторвать от нее Литву. Радзивил отвечал, что у России много земель, подобных Литве; в последнюю революцию вся Польша была в русских руках, и, однако, ничего у нее не взято; мы бы желали, прибавил Радзивил, быть в такой же безопасности и от других соседей, как от России.

11 октября Бестужев писал, что сенаторы в своих речах королю постоянно говорят о Курляндии; примас и некоторые другие заявляли, что если герцог курляндский, будучи русским министром, в чем провинился и заслужил ссылку, то пусть дети его будут отпущены; другие требовали, чтоб Бирон, как польский подданный, был судим в Польше. Относительно сейма Бестужев писал, что на умножение войска нет никакой надежды, ибо хотя все этого желают, но пожертвовать чем-нибудь на содержание войска никто не хочет. Из всего было видно, что прусский король имел немалую

партию, особенно в Великой Польше; наверное известно, что сюда прислано 24000 прусских денег, и так как одни боятся, а другие подкуплены, то на сейме против Пруссии ничего не говорится, хотя очень обижены насильственным вербованием поляков в прусское войско. Когда одни жаловались на это частным образом, то приверженцы Пруссии возражали, что прусское войско еще ни разу в Польше не было, а русское уже два раза побывало, и с великим вредом, особенно во время похода к Хотину, когда козаки били и разоряли шляхту и больше всего грабили и ругались над церквями. Бестужев справился у бригадира Ливена, бывшего тогда членом комиссии, назначенной по поводу этих жалоб, и Ливен отвечал, что действительно так было. "Того ради, - писал Бестужев, - я стараюсь оное загладить и у них из памяти вывести. Хотя мы здесь приятелей имеем, однако ж весьма за потребно нахожу партию нашу здесь умножить, которая бы противной партии баланс держать могла. По моему мнению, лучше, кажется, поляков оставить в тех беспорядках и слабости, в которых они ныне находятся, и в том их содержать и до аукции (умножения) войска не допускать, ибо от оной никогда пользы интересам вашего имп. величества не воспоследует, потому что ежели она состоится, то токмо их в большую гордость, а гетманов в большую силу приведет, и ежели в потребном случае надобно будет впредь российскому войску через здешние земли против кого идти, то в том от них препятствия и затруднения ожидать должно; ежели б паче чаяния какой России дезавантаж (невыгода) случился, то и они, памятозлобствуя бытность наших войск в Польше и прочее, может быть, и сами против нас замыслы иметь будут, и для того весьма потребно их в нынешней конфузии оставить и не токмо до аукции войска не допускать, но и сеймы до состояния не допускать же, чрез что ваше имп. величество всегда свою инфлюенцию (влияние) в здешних делах иметь будете". Но для всего, повторял Бестужев, нужны деньги.

Деньги (10000 рублей) были отправлены, но опоздали. 25 октября Бестужев писал, что до сейма остается одна только неделя и потому не надеется употребить присланные деньги с пользою: перед концом сейма деньги такого действия не имеют, как вначале, да и сейм, по всем вероятностям, не состоится, а хлопотать, чтоб он состоялся, не нужно.

Сейм расплылся, то есть истечение законного срока не допустило ни до каких решений. Бестужев не истратил ни копейки из присланных ему денег. Но Бестужева озабочивало другое дело - объявленное супружество дофина на саксонской принцессе, что грозило тесною связью Франции с Саксонию. В Польше оставалось одно важное дело - защита православных. 2 декабря Бестужев писал: "Я, сколько по человечеству возможно было, старался исходатайствовать православным церквам и людям удовлетворение в причиненных им обидах и гонениях, представлял об этом самому королю, графу Брюлю, кроме разговоров подал промеморию и наконец добился того, что король велел возобновить гродненскую комиссию и чтоб она начала свои действия еще во время его

пребывания в Польше. Коронный канцлер Малаховский приезжал ко мне с проектом, на каком основании должна быть учреждена эта комиссия; я нашел проект неудовлетворительным и составил свой, но Брюль, Малаховский и Чарторыйский (подканцлер литовский) велели сказать мне, что мой проект может вооружить всех католиков на короля и на них, и обещали составить новый проект. Когда этот проект был прислан, то я призвал резидента Голембовского (заменившего в Варшаве посла, когда тот жил в Дрездене), архимандрита Оранского и священника Каховского; рассмотрели проект все вместе и рассудили, что лучше его принять, ибо в нем утверждено, что все дальнейшие гонения и отбирания церковью прекращаются и православные остаются при полном отправлении своей веры, и по крайней мере от него та польза, что если впредь начнутся гонения, то будет к кому обращаться, а без комиссии во время отсутствия короля и министров обращаться было не к кому. Что же касается возвращения четырех епархий, означенных в указе св. прав. Синода, то это дело чрезвычайно трудное, на которое поляки добровольно никогда не согласятся, ибо эти епархии уже 60 или 70 лет как отданы униатам. Жаль, что, когда в последнюю революцию русские войска во всей Польше были, ничего не было сделано в пользу православных, а теперь трудно".

В конце декабря уже из Дрездена Бестужев доносил, что двор поглощен заботами о свадьбе принцессы Иозефины, что до отъезда ее во Францию о серьезных делах говорить нельзя. Французский посол герцог Ришелье старался о сближении Саксонии с Пруссией, но имел мало успеха.

В сношениях со всеми дворами первое и последнее слово было о Пруссии. В самом Берлине 1746 год начался неприятными объяснениями между Чернышевым и Подевильсом, который позволил себе сказать, что императрица не имела права разбирать, на чьей стороне справедливость - на стороне Саксонии или Пруссии, и считать Бреславский договор нарушенным. По приказанию своего двора Чернышев должен был сказать Подевильсу, что императрица имела полное право разобрать этот вопрос: она приступила к Бреславскому договору по просьбе самого же прусского короля; оба двора, и прусский и саксонский, находятся в союзе с Россией, оба требовали по союзному договору помощи, следовательно, императрица должна была решить вопрос, кто прав, чтоб подать помощь правому; но прежде предложены были добрые услуги для примирения Саксонии с Пруссией, и когда, несмотря на это, прусский король напал на Саксонию, то Россия обязана была помочь последней по смыслу союзного договора, и потому Подевильс вперед должен удерживаться от подобных нареканий, которые могут вести только к обоюдной холодности. Подевильс отвечал, что он все это говорил не министерально, а в простом разговоре, но и теперь скажет, что императрица оказала большее расположение к Саксонии, чем к Пруссии, и не имела полного права считать Бреславский договор нарушенным, ибо хотя она к нему и приступила, но его не гарантировала. Чернышев отвечал, что имеет приказание императрицы опровергать такие несправедливые и неприличные нарекания на поступки

русского двора. Эти слова так рассердили Подевильса, что он, возвыся голос, сказал: "Король мой государь знает, с каким пристрастием относились вы к делу в последнее время, и уже послал указ Мардефельду принести на вас жалобу императрице". Чернышев, также возвыся голос, отвечал: "Эти нарекания на меня имеют столь же мало основания, как и те, о которых шла речь прежде, и можно было бы от них и удержаться, ибо я отдаю отчет в своем поведении одной своей государыне". Разговор этим кончился, но следствием его было то, что когда Чернышев на третий день приехал ко двору вместе с другими министрами, то король даже и не взглянул на него.

Чернышеву после этого трудно было оставаться в Берлине, но в Петербурге давно уже хлопотали о том, чтоб освободиться от Мардефельда. Принцессе цербстской при ее отъезде из России дано было поручение побуждать Фридриха II к отозванию Мардефельда, но принцесса медлила исполнением вдвойне неприятного для нее поручения. 10 января императрица подписала рескрипт Чернышеву, чтоб напомнил принцессе цербстской об отозвании Мардефельда. Наконец из Петербурга пошло прямое требование; Фридрих II отвечал, что отзовет, когда императрица отзовет Чернышева. Чернышев получил указ переехать посланником в Лондон, и, не дожидаясь распоряжений из Берлина, Мардефельду объявили, что не будут сноситься с ним. Когда Бестужев дал прочесть Мардефельду это объявление, тот сказал ему: "Я очень хорошо знаю, что вы один этому причиною; вот почему я не премину воспользоваться первым случаем показать вам свою благодарность и равномерные добрые услуги". Гиндфорду Мардефельд сказал: "Канцлер поступил умно, постаравшись удалить меня до возвращения вице-канцлера, ибо тогда я был бы в состоянии низвергнуть Бестужева".

После этих перемен в Берлине был обвинен в измене и казнен советник Фербер; этот Фербер просился в русскую службу и имел сношения с Витингом, посылавшимся из России в Пруссию для разведываний, а в настоящее время находившимся в Петербурге. Прусский секретарь посольства Варендорф 10 ноября приехал к вице-канцлеру с объявлением, что курьер привез ему цифирные азбуки и копии с двух статей, которые найдены в бумагах казненного Фербера; из этого можно видеть, говорит Варендорф, какие имелись злые намерения поссорить короля с императрицею. Фербер сообщал в Россию подполковнику Витингу о замыслах Фридриха II. Так, 2 июля он писал, что король за столом сказал: "Я не обращаю внимания на русские приготовления и ничего более не желаю, как чтоб императрицыны войска выступили против Пруссии: тогда бы я их, как лисиц, на воздух взбрасывать стал". Потом Фридрих говорил своему любимцу шведскому министру Руденшильду: "Этот Брюммер вел свои дела по-дурачки: сколько раз он мог свергнуть канцлера, а теперь, как осел, голову себе сламывает. Каким образом теперь его дело можно поправить!" Руденшильд отвечал, что теперь это трудно, ибо Шетарди истребил при русском дворе всех благонамеренных, да и главная опора их

теперь в особе Брюммера рушилась; бедный Трубецкой один остался и принужден подлаживаться под мнение Бестужева, хотя наружно, тем более что граф Лесток, как слышно, с некоторого времени в государственные дела мешаться не смеет. Впрочем, не надобно совершенно отчаиваться. Если бы можно было оставить там Мардефельда или же по крайней мере заменить его искусным Каниони, который знает отлично русский язык и все тамошние дела, а между тем в Швеции на сейме надобно стараться о заключении ею союза с Франциею и Пруссиею. "Как ваше величество, так и Швеция, - говорил Руденшильд, - должны радоваться, что правление в России в руках Сената, а у министерства руки связаны, чего прежде не было при кабинете, который давал большую силу самодержавию. Главная цель сенаторов состоит в том, чтоб ни в какие чужие ссоры не вмешиваться, не играть в Европе никакой роли, - одним словом, жить, как жилось до Петра Великого. Эта цель может быть достигнута, потому что императрица не следует примеру своего отца (которого правилом было царствовать с жестокостью и изнурением народа), императрица относительно народа оказывает большую умеренность". Король согласился с его мнением и сказал: "С великим удивлением и удовольствием под рукою я уведомился, что все русские войска вторичный указ получили новые экзерциции оставить и употреблять старые; таким образом, я надеюсь, что через несколько лет русская военная сила дойдет до крайнего варварства, так что я буду побеждать русских своими рекрутами; и так как эта нация, по-видимому, теряет дух, внедренный в нее Петром I, то, быть может, близко время, когда погребется в своей древней тьме и в своих древних границах. Имею причину очень сердиться на генерала Бисмарка, который ввел при русской армии все прусские манеры". Фербер сообщил, что известный полковник Манштейн, оставивший, русскую службу, обедал у Фридриха II, который спросил его, как он думает: один пруссак по меньшей мере уберет четверых или пятерых русских? Манштейн отвечал, что если дело дойдет до драки, то пруссак и с одним русским будет иметь полны руки дела. Король очень рассердился и в утешение свое сказал: "Мне очень хорошо известно, что Россия имеет по крайней мере большой недостаток в достойных офицерах".

Но эти откровенности не улучшили отношений между двумя дворами. Главная дипломатическая борьба между ними была в Стокгольме.

В начале января доверенный человек наследного принца голштинца Гольмер, подозрительный в Петербурге, получил указ от своего герцога великого князя Петра Федоровича в 8 дней выехать из Стокгольма в Киль. Наследный принц был в отчаянии; глотая слезы, он говорил Любрасу, что он здесь между чужими людьми, на которых по их пристрастиям положиться не может; к Гольмеру он привык, в верности его совершенно убежден, может уверить, что Гольмер всегда старался, чтоб все происходило по желанию императрицы. Принц умолял Любраса ходатайствовать у императрицы, чтоб Гольмера оставили еще на несколько времени при нем. Старый король просил о том же; Любрас с своей стороны

писал, что Гольмер - человек благонамеренный: сенаторы, приверженные к России, признают его таким; он, по их мнению, противодействует графу Тессину и Нолькену и склоняет принца на русскую сторону. Но Бестужев заметил на реляцию Любраса: "Сие не что иное, как притворство, а ежели Гольмер долее в Швеции оставлен будет, то интересы его импер. высочества в Голштинии весьма от того претерпеть могут и в прежней плохой администрации никто без него отчета дать не в состоянии. Барон Любрас во многих своих прежних реляциях неоднократно доносил, что Гольмер вредительный и для здешних высочайших интересов в Швеции негодный человек и потому об удалении его оттуда сам представлял; ныне же непонятным образом его вдруг отменившимся и надобным описует". Еще сильнейшему нападению Любрас подвергся со стороны Бестужева, когда в донесении своем выставил в виде просьбы русских приверженцев, чтоб императрица в самых решительных выражениях гарантировала шведский престол наследному принцу и его потомству: "Это вовсе не шведские патриоты просили барона Любраса, это пламенное желание пруссаков и французов. Такой гарантии не было дано и тогда, когда мы заключали союзный договор с Швециею и когда еще была надежда удержать наследного принца в добром расположении к России; для чего же давать такую гарантию теперь, когда, по несчастию, довольно известно, что наследный принц, по наущению своей супруги, предпочитает французскую и прусскую дружбу всем самым доброжелательным советам императрицы? Такая гарантия послужит только к тому, чтоб совершенно связать руки на будущее время".

Между тем прусский посланник в Стокгольме Финкенштейн вел переговоры об оборонительном союзе между Швециею и Пруссиею; Любрас по указам из Петербурга должен был препятствовать заключению этого союза. На его представления король отвечал: "Надобно смотреть, как бы это прусское требование добрым манером менажировать; надеюсь, что дело кончится к удовольствию императрицы; я своим господам рекомендовал потише поступать". В Швеции боялись заключить этот договор без согласия России, а в Петербурге нарочно медлили ответом. Наконец в марте шведский министр в Петербурге Барк прислал извещение, что императрица не одобряет прусский союз. Король и министры были приведены этим известием в сильное смущение. Король стал уверять Любраса, что этим союзом России не будет нанесено никакого предосуждения: он будет заключен самым простым и безвредным образом. Любрас заметил, что, каким бы образом союз ни был заключен, нельзя избежать, чтоб он и Швеции, и России не нанес вреда: если Пруссия хотя малую силу приобретет, то своими происками будет умять дружбу Швеции с Россиею, а потом возбудит и холодность. "Пока я жив, этого не будет, - отвечал король. - Я от этого прусского союза охотно бы отстал и работаю против него, но не все так думают, как я, интриги идут сильные. Я вас обнадеживаю, что употреблю в этом деле все свои старания". Любрас поблагодарил его, но напомнил, что прежде при сенаторах король ему говаривал, что если Россия и Швеция будут поступать согласно и

откровенно, то будут сохранять равновесие на севере и в большей части Европы. Так как это мнение его величества неоспоримо, то для чего он хочет для сохранения этого равновесия призвать еще третью державу, которая до сих пор не только не помогала России и Швеции в получении каких-нибудь выгод, но еще причиняла им большой вред; по великой поспешности, с какою Пруссия без нужды хочет навязать свою дружбу Швеции, видно, что она имеет одно в виду - возбудить недоверие между прежними истинными друзьями. "Вы правду говорите", - сказал король и, давая Любрасу руку, повторил прежние обещания, но прибавил, показывая рукою на комнаты наследной принцессы: "Вы знаете, как здесь ведут дела?" "Как бы другие ни разнились во мнениях, однако мнение вашего величества, серьезно высказанное, всегда будет иметь главную силу", - отвечал Любрас. "Да, да, - заключил речь король, - так бы и следовало быть". Часа через два король опять подошел к Любрасу и начал говорить: "Знаете, что мне пришло в голову: если б заключить с Пруссиею простой дружественный договор, то это было бы дело очень невинное, а король прусский не мог бы быть очень раздражен, что вы думаете?" - и, сказавши это, подозвал к себе государственного секретаря Нолькена и задал ему тот же вопрос.

"Господа, - сказал он обоим, - я откровенно поступаю; скажите мне прямо, что вы об этом мнении думаете?" Нолькен отвечал, что он не приготовился дать отзыв на такое предложение, но ему кажется, что форма такого трактата была бы нова и король прусский доволен им не будет. "Будет ли король прусский доволен, я не знаю, - сказал Любрас, - но, что такие договора прежде часто заключались, - это дело известное; впрочем, в такой договор могут быть внесены параграфы и выражения, которые могут дать союзу значение оборонительного". Король, глядя на Нолькена, сказал: "Надобно постараться это предупредить; мы об этом еще потолкуем и ее величеству императрице дадим знать". Донося об этом разговоре, Любрас замечает; "Хотя в речах королевских высказывается благонамеренность, однако на них полагаться нельзя, потому что король не в силах противостоять внушениям людей, враждебных России. Партия этих людей ежедневно усиливается, а патриотическая партия становится все слабее, боязливее и оплошнее". Бестужев заметил на этом донесении: "Весьма удивительный и непонятный барона Любраса ответ, что он сам заключение с Пруссиею трактата апробует (одобряет) и тем королю повод подает о дозволении на заключение оною у ее импер. в-ства домогаться, а ему многократно отсюда дано знать, что ее имп. в-ство толико от того удалена находится, что и в рассматривание сообщенного графом Барком проекта трактата вступать не повелела".

В самом конце апреля заведовавший иностранными делами граф Тессин объявил Любрасу, что король ввиду опасных европейских обстоятельств считает надежнейшим способом относительно предложенного прусского союза следовать дружественному совету русской императрицы и потому для предупреждения всякого подозрения, которое этот союз мог бы

возбудить в других государствах, и особенно в России, приказал остановить дальнейшие переговоры. Король особенно благодарен императрице за добрый совет и просит держать в тайне его решение, чтоб не поссорить его с королем прусским, как он держал в тайне советы императрицы. Сам король говорил Любрасу: "Я императрицу обнадеживаю не только как король, но как честный офицер и чистосердечный человек, что, пока буду жив, не забуду оказанной ею мне и государству дружбы присылкою войска и всегда с нею одного мнения буду; я убежден, что Швеция найдет в этом свое благополучие и те, которые думают иначе, отдадут ответ богу".

Мы видели, что, по соображениям русского канцлера, ко времени сейма Любраса должен был сменить Корф. Корф приехал в Стокгольм во второй половине июля и сейчас же должен был заняться приготовлениями к сейму, т. е. набором голосов в пользу русской партии. Один из самых видных членов этой партии, купец Спрингер, объявил ему, что выборы депутатов из стокгольмских горожан не удались: французская партия взяла верх. Напротив того, он уверен, что между провинциальными депутатами городского и сельского сословия русская партия возьмет перевес, но для окончательного успеха нужны деньги. Французские приверженцы употребляли такую хитрость: купец Пломгрэн всюду показывал золотую, осыпанную бриллиантами табакерку, будто бы полученную от русского двора за услуги, оказанные им Швеции. Это навело ужас на благонамеренных; они не знали, что думать о настоящих намерениях России, ибо Пломгрэн был одним из главных виновников прошлой войны. Для свержения преданного Франции и Пруссии министерства Спрингер советовал объявить, что Россия вместе с Англиею и Австриею имеет сделать важные для Швеции предложения, но не может начать дела, пока в Швеции существует враждебное ей министерство. "Нельзя описать, - доносил Корф, - какие вымышляются здесь известия: я едва успел выйти из коляски, как уже объявлены были известия из Шонии и из других мест по моей дороге о речах, которые будто бы я держал вследствие моей инструкции и которые касались ни более ни менее как совершенного раздробления и разорения Швеции". На этом донесении Бестужев сделал любопытную заметку о Пломгрэне: "Сей купец Пломгрэн - свойственник графа Лестока и в последнюю с Швециею войну России многие пакости делал". Приверженный к России сенатор Окергельм высказал Корфу очень неутешительное мнение о характере двух партий - французской и русской: он отдавал преимущество первой по ее смелости и энергии. Она уже и теперь держала чрез своих эмиссаров публичные столы в провинциях для приласкания жителей. Причина вялости благонамеренной партии состояла в том, что ее члены уже несколько лет не получали подкрепления от иностранных дворов; так они, имея большинство на прошлом сейме, должны были уступить противникам по скудости денежных средств. Сначала у них было собрано около 133000 рублей на русские деньги и они содержали провинциальных депутатов, но потом, когда все эти деньги вышли, депутаты, не имея чем жить, разъехались и большинство голосов

было потеряно. Это произвело такое впечатление, что теперь на будущий сейм благонамеренные люди не хотят ехать, отговариваясь, что денег нет, а на помощь иностранных дворов нельзя надеяться. Кроме того, самые видные члены патриотической партии по оплошности, от страха или по малозначительности своей при дворе не доставляют выгодных мест своим, тогда как приверженцы Франции действуют совершенно иначе; наконец, приверженцы Франции имели ту выгоду, что располагали всеми государственными доходами.

Английский посланник Гюдекенс объявил Корфу, что его правительство разделит с Россиею денежные издержки, необходимые для подкупа депутатов; что так как генерал Любрас дал купцу Спрингеру 10000 купферталеров для подкупа в провинциях, то и он, Гюдекенс, выдал тому же купцу такую же сумму; что время снабдить эмиссаров деньгами, чтоб благонамеренные могли явиться на сейм в достаточном количестве; однако не надобно соглашаться на все требования, потому что шведские государственные чины привыкли торговаться, как купцы. Главы благонамеренной партии уже присылали к нему генерала Дюринга с требованием 8000 рублей на подкупы в провинциях; он отвечал, что сумма очень велика, ибо значительнейшие издержки еще впереди, когда чины соберутся в Стокгольме, но Дюринг возразил, что означенная сумма необходима, потому что он уже дал слово, что она будет доставлена, и если он ее не получит, то ни за что не примется. К Корфу с тем же требованием от благонамеренных явился полковник Левен. Корф сказал ему тоже, что сумма очень велика; на это Левен отвечал, что если Россия и Англия хотят достигнуть своих целей, то должны сообща истратить триста тысяч рублей, да еще держать сто тысяч про запас на всякий случай. Наконец вместе с английским посланником сторговались на 9000 платов, которые Корф и Гюдекенс выдали пополам. Сенаторы Окергельм, Цедеркрейц и Левен внушали Корфу, что надобно непременно задарить барона Унгерн-Штернберга, который легко может быть выбран в сеймовые маршалы и уже непременно в члены секретного комитета, и Бестужев доложил императрице, что Унгерн-Штернберга надобно подарить, только не из тех 20000 рублей, которые назначены на сеймовые подкупы в Швеции. Корфу внушали, что Унгерну надобно подарить 2000 червонных, и Бестужев был согласен на эту сумму. Корф писал, что не надобно ничего жалеть, потому что как скоро злое министерство будет свержено, то Швеция будет в полной зависимости от России. Было бы желательно, чтоб венский, датский и саксонский дворы также снабдили своих министров деньгами.

Для подкупа депутатов в Петербурге назначили 20000 рублей; для расположения к себе целого народа шведского позволено было беспошлинно вывезти из России в Швецию 1000 ластов хлеба. По мнению Бестужева, надобно было позволить шведскому королю вывезть беспошлинно еще 1000 ластов, "еже между патриотами лучшее действие, нежели множество тысяч рублей произвесть могло б". С противной стороны действовали теми же средствами; кронпринцесса заложила свои

бриллианты в банк за 30000 платов на подкуп голосов в пользу избрания графа Тессина в сеймовые маршалы.

22 августа Корф и английский посланник ездили за город на совещание с вождями патриотов - Окергельмом, Врангелем, графом Белке, графом Бонде, генералом Дюрингом и полковником Левеном. Патриоты запросили с России и Англии 250000 платов (160000 рублей) - сумму, необходимую на содержание столов для благонамеренных депутатов. Английский министр возразил, что этого уже очень много, что уже выдано 83000 купфер-талеров (8333 рубля), чтоб дать возможность благонамеренным депутатам приехать в Стокгольм на сейм для составления большинства голосов; на этой выдаче можно было бы и остановиться до начала сейма; мой двор, продолжал посланник, позволил мне Истратить известную сумму, но она не так велика, как требуется. Патриоты отвечали, что они заранее не могут определить с точностью сумму, какая понадобится для успеха их дела, только напоминают, чтоб с деньгами поступали осторожно, выдавали бы их не всякому, кто выставит свою благонамеренность на продажу, давали бы только тем, кто будет рекомендован ими, главами патриотической партии, и которые для этого должны иметь известный знак. Самим себе они, главы партии, не берут ни копейки, то же сделают и другие шведы, любящие отечество; речь идет только о людях, которые так бедны, что во время сейма по дороговизне жизни не могут сами себя содержать в Стокгольме, и о тех, которых надобно отвлечь от противной партии. Граф Белке сказал при этом: "Патриоты надеются, что Великобритания употребит все усилия поправить то, что было ею испорчено в 1740 году: тогда между русским посланником и английским было условлено, что они оба дадут по 50000 ефимков, но первый сдержал слово, второй нет, что повело к известным печальным последствиям; теперь надобно хлопотать об избавлении шведского народа из рук Франции и ее тиранских сообщников. По ведомостям из провинции, можно надеяться большинства голосов между дворянством, но мало иметь здесь людей - главное - содержать их тотчас по прибытии сюда, чтоб французские приверженцы обещаниями и действительною помощью не перетянули их на свою сторону, а французский посланник ничего не жалеет. Надобно назначить несколько человек, которые будут содержать столы на 6, 8, 12и даже 15 особ, ставя от четырех до пяти блюд, и наблюдать, чтоб при таких столах пьянства не было, ибо хуже всего, когда пьяные станут подавать голоса. Тем, которых за такие столы приглашать нельзя, надобно давать еженедельно деньгами. Необходимо, чтоб министры обоих дворов по последней мере имели 50000 фунтов стерлингов наготове". Патриоты клялись, что не введут посланников ни в какие напрасные издержки и себя жалеть не будут, если увидят, что можно действовать, а действовать можно только тогда, когда будет решен вопрос, будут ли готовы оба посланника выдавать деньги через десять дней.

Английский посланник отвечал, что он такой большой суммы теперь при себе не имеет, да, по известиям из Петербурга, и русскому посланнику

деньги пришлются не сейчас, а потому он, английский посланник, известит об этом свой двор и будет дожидаться дальнейших приказаний. "Время не терпит, - отвечали патриоты, - и пока он получит эти приказания, большинство голосов на сейме уже обозначится". Генерал Дюринг говорил, что если нет денег, то надобно объявить прямо об этом в провинциях и в то же время действовать смело и наступательно против французской партии; Россия по поводу заключенного ею союза с венским двором должна объявить, что не может иметь с Швециею откровенные сношения, не доверяя настоящему министерству; Англия должна представить с своей стороны жалобы на министерство. Это объявление России произвело бы тем сильнейшее впечатление, что теперь Россия находится в вооруженном положении. Корф отвечал, что императрица и ее союзники употребят все свои средства для успеха доброго дела на сейме и что он немедленно даст знать в Петербург о предъявленном плане, но не должно спешить объявлением в провинциях, что денег нет, надобно отписать к благонамеренным депутатам, чтоб ехали на сейм, а деньги между тем будут присланы. Дюринг и Окергельм возражали, что если приятели в Стокгольме приедут, а денег на их содержание не будет, то придется содержать их тем, кто их вызвал, а лучше оставить их дома, чем увеличивать ими противную партию, к которой по крайней нужде они непременно перейдут. Корф просил, чтоб по крайней мере пропустили один или два почтовых дня, обещая сейчас же отправить курьера в Петербург с представлением положения дел. Патриоты согласились. На этом донесение Бестужев написал для императрицы: "По слабейшему мнению видится необходимо потребным быть в Швецию ежели не тридцать, то по меньшей мере столько же, как недавно, а именно двадцать тысяч рублей к камергеру Корфу как наискорее отправить, и на то незамедлительная всевысочайшая резолюция толь наипаче потребна, ибо ежели прямое время в раздаче достаточной денежной суммы упустится, то воспоследуемый из того вред не явною войною поправлен быть не может. А при пересылке же таких денег к Корфу ему повелено будет свое старание приложить, дабы со стороны английского министра Гюдекенса по меньшей мере равная сумма раздавана, и притом всевозможная экономия наблюдаема была".

Корф сообщил, будто граф Тессин обнадеживал, что, по верным известиям, с прибытием графа Воронцова в Петербург дела получают другой вид, ибо Воронцов будет идти против системы канцлера. На это Бестужев заметил: "Тессин весьма пристрастно и с истинностию несходно разглашает, ибо нынешняя система не канцлерова, но государя Петра Великого, по которой во время нынешнего славного ее и. в-ства державствования совершенно последуется и премудрым ее и. в-ства проницанием к всевысочайшей славе, чести и благополучию Империи ее, а к крайнему преогорчению недоброжелательных России с благополучным успехом в действо производится, канцлер же только малым орудием есть во исполнении толь премудрых ее величества распоряжений и повелений".

Благонамеренные депутаты уже находились на дороге в Стокгольм; для их содержания английский посланник выдал купцу Спрингеру 3150 рублей на русские деньги и камергеру Песту 420 рублей, что произвело благоприятное впечатление, ибо деньги были выданы от имени английского и русского послов прежде французского. Противная партия старалась поддержать свое значение тем, между прочим, что выставяла своим главою наследного принца, о котором Корф писал: "Сей государь совершенно изволением своей супруги (которая его ни на минуту не оставляет, когда я при нем нахожусь) и графа Тессина как безжизненная, искусственно составленная статуя движется. Французская партия разослала своих забияк по кофейным, питейным и другим домам, где бывают народные сборища, внушать, что Швеция находится в зависимости от России, от которой может освободиться только с помощью Пруссии и Франции. Противная министерству партия, сначала стыдившаяся действовать такими средствами, узнав, что французская партия получила чрез это большой успех, выбрала также семерых говорунов, притом же видных и сильных физически, которые должны были внушать, в каком бедственном состоянии находится государство сравнительно с прежним временем, когда управляло благонамеренное министерство. Говоруны министерской, т. е. французской, партии провозглашали, что цель "колпаков" - изгнать кронпринца и наследником престола объявить русского великого князя Петра, что для этого в России сделаны уже все нужные приготовления. Внушения эти производили сильное впечатление в Стокгольме и провинциях. Так как опасались, что Финляндия особенно будет противиться разрыву с Россиею, то при дворе наследного принца определили, что каждый депутат из Финляндии, какого бы звания ни был, может без доклада являться к наследному принцу и жене его. С Корфом оба королевские высочества обращались чрезвычайно холодно и невежливо. Корф подал самому королю промеморию, опровергавшую нелепые слухи о намерениях России, и Бестужев в своей заметке представил императрице, что Корф поступил "яко весьма искусный министр, подав промеморию прямо королю, а не министерству, которое нарочно замедлило бы вручением ее королю, а между тем противная французско-прусская партия своими злостными внушениями толико предупела бы, чтобы оное более и поправить не можно было, приписывая молчание его (Корфа) о том подлинности оных разглашений". Корф велел перевести промеморию на шведский язык и во множестве экземпляров распространил между депутатами, которые от себя распространили ее по провинциям.

От 12 сентября Корф писал, что до сих пор вместе с Гюдекенсом он издержал около 20000 рублей частью на переезд надежных людей из провинции, частью на закупку полномочий, частью на приобретение сеймовых голосов и учреждение столов. Корф сочинил особую записку, в которой указывал на вред для Швеции от прусских замыслов на Померанию. "Дела, по всему видно, изрядно происходят будут, - писал Корф в Петербург, - если б только деньги были; если в них недостатка не

будет, то министерство непременно прыгнет". Король тайно прислал просить Корфа, чтоб ради бога не жалел денег для приобретения большинства голосов при избрании сеймового маршала, от чего зависит успех дела на сейме; король обещал в случае нужды дать Корфу тайком займы из казны три тысячи червонных. В приемной Корфа с утра до вечера толпились люди, из которых каждый рассказывал, что он или привез, или выписал из провинции своих друзей и содержит на свой счет, не зная, каким образом их пропитать и не дать перейти к французской партии. "Но я бы обнищал, - писал Корф, - если б каждому давал то, что он требует". Поэтому он отправлял их к сенатору Окергельму для проверки. Окергельм с приятелями дал ему знать, что для образования большинства голосов в дворянском сословии при избрании маршала надобно истратить 12000 рублей, да сверх того 2666 рублей надобно держать про запас для тех, которые ежедневно приезжают из провинции и которых противная партия ловит; для мещанского и крестьянского чинов нужно 6000 рублей, для духовного - 3333 рубля. Корф поехал к английскому посланнику, но тот отвечал, что больше 6666 рублей дать не может. Корф принужден был занять денег, потому что вожди патриотической партии слали к нему гонца за гонцом, торопя высылкой потребованной суммы. Патриоты требовали от Корфа, чтобы он непременно подкупил гофмаршала Бромана, человека очень сильного; Броман просил 25000 платов, Корф давал 15000.

15 сентября открылся сейм, и в тот же день Корф получил из Петербурга 10000 червонных, а 22 числа сеймовым маршалом был избран кандидат патриотов Унгерн-Штернберг, которому за прежние его услуги России уже отправлены были из Петербурга 2000 червонных. Унгерн-Штернберг перебил маршальство у Тессина только большинством 18 голосов, но Корф утешал свой двор тем, что противная партия понесла поражение, имея все выгоды на своей стороне: много лет имела на своей стороне большинство; имела в своих руках все денежные доходы; от нее зависели все чины и милости; кронпринц с женою явно стояли за нее, обещаниями и угрозами привлекали людей на сторону графа Тессина; они уговаривали и короля объявить себя за Тессина, но тот отвечал: "Я никогда не вмешивался в сеймовые дела незаконным образом и этому приписываю свое благополучие; советую и вам последовать моему примеру". Одержана была одна победа; но главное дело было впереди - избрание членов в секретный комитет; здесь победа была сомнительна именно потому, что при избрании маршала большинство оказалось таким ничтожным. Борьба партии усилилась, патриоты потребовали от Корфа еще 13000 рублей, и Корф дал, опять занявши. Французская партия кроме раздачи денег употребляла и другие средства, разглашала, что чувства императрицы русской и ее министерства относительно Швеции совершенно различны, что в указах, которые присылаются Бестужевым Корфу, Елисавета не имеет никакого участия. Употреблялись средства и с русской стороны. Корф подал министерству промеморию, в которой говорилось, что императрица приказала перевести из Петербурга в Ревель четыре полка инфантерии, и если галеры, на которых перевозилось это войско, будут прибиты ветром к

шведским берегам, то она надеется, что войско ее будет здесь принято как союзное по Абовскому договору. Граф Тессин не мог скрыть своего ужаса при получении этой промемории, и хотя главы французской партии и поспешили разгласить, что Корф выдумал это нарочно для своих целей, однако промемория произвела сильное впечатление: члены русской партии во множестве являлись к Корфу и с радостью давали знать, как бы они желали, чтоб число 26 (число галер, на которых отправлялись русские войска) переменялось на 86, ибо это единственное средство, каким императрица может низвергнуть враждебное министерство, и как бы они желали, чтоб господь бог повелел ветрам пригнать русские галеры к шведским берегам.

Для ободрения патриотов Корф, по его словам, не пропускал никакого случая атаковать противную партию в ее ретраншементах; из дворца наследника престола ему дали знать, что там составлен план тотчас по образовании секретного комитета арестовать самых деятельных членов русской партии, причем Тессин говорил: "Я знаю колпаков, их легко можно сдержать: стоит только с одним из них поступить строго, и они все сейчас отстанут от русского министра, который не будет тогда знать, куда обратиться". Корф спешил предупредить Тессина и подал королю две промемории. В одной говорилось, что известный купец Пломгрэн в обществе горожан осмелился говорить следующее: "Те хорошо делают, которые к русскому послу не ходят, ибо те, которые его посещают, носы свои обожгут и пальцы у них будут отбиты; уже взяты на замечание те, которые часто у него бывают и его именем держат столы". Корф, выставя оскорбление, нанесенное его двору старанием посредством угроз отогнать посетителей от его дома, просил немедленно арестовать Пломгрэна и наистрожайше допросить: кто ему сказал, что Корф - министр подозрительный, что все, которые ходят к нему в дом, будут наказаны, что он устроил трактиры, где его именем держатся столы? В другой промемории Корф жаловался на генерала Вреде, который в самом дворце говорил, что Корф ведет себя неприлично и на крыльце дворянского дома в день выборов велел раздать 1400 червонных. Корф требовал, чтобы против Вреде начато было судебное следствие. Враждебная партия старалась всеми средствами выпутать Вреде из этого дела, требовала, чтоб все дворянство вступилось за него, но ландмаршал Унгерн-Штернберг с твердостью отвечал, что это дело вовсе не касается всего дворянства. Некоторые обратились к королю с просьбою заступиться за Вреде, но получили ответ: "Оставьте меня в покое; зачем вы хотите меня прельстить? Когда Вреде зажать свой рот не может, то пусть и отвечает за следствие". Корф имел объяснение и с кронпринцем. Как верный и ревностный слуга Голштинского дома, он просил принца не слушать тех, которые внушают ему недоверие к императрице, чтобы отделать его интерес от русского интереса. Принц отвечал, что он постоянно старается оказать себя достойным милости императрицы и не знает из окружающих никого, кто бы этому противодействовал, и вверяет себя только таким, которых хорошо знает. Но он надеется также, что императрица по милости своей не

будет требовать, чтоб Швеция связала себе руки и не могла вступать в союзы с другими державами, когда бы нашла эти союзы для себя выгодными. "Швеция теперь мое отечество, и я должен иметь в виду одни шведские интересы, в чем и присягу дал". "Государь, - отвечал Корф, - не всегда имеют возможность узнать вполне людей, окружающих их, ибо эти люди показывают им только свою хорошую сторону. Но ваше высочество имеете надежный способ получить точные сведения о людях, стоит только вам просмотреть акты вашего избрания; в этом верном зеркале вы в одну минуту увидите своих друзей и врагов. Императрица вовсе не старается связывать руки вольному государству в чем бы то ни было, и только злонамеренные люди хотят возбудить народ разглашениями о русской зависимости; государство находится в зависимости только от своих собственных интересов и согласно с ними определяет, в какие союзы оно должно вступить; впрочем, само собою разумеется, что если Швеция вступит в такие союзы, которые будут в противоречии с союзом, существующим между ею и Россией, то должна будет произойти перемена и в мерах ее импер. величества. Императрица с удовольствием услышит заявление вашего высочества, что вы считаете Швецию своим отечеством и по присяге должны стараться о ее благе. Это заявление утвердит императрицу в приятной надежде, что ваше высочество будете допускать к себе только истинных патриотов". "Я, - сказал принц, - ни за французскую, ни за английскую партию не стою, а только за прямых шведов, и что хорошего сделала та партия, чтоб мне объявлять себя в ее пользу?" "Я, - отвечал Корф, - говорю не о какой-либо партии, но о настоящих патриотах; если же ваше высочество заставляете меня сказать, что хорошего сделала эта партия, то позвольте припомнить, что после бога и моей государыни эта партия наиболее способствовала доставлению престола вашему высочеству; она помешала приступлению к франкфуртскому союзу и недавно еще заключению другого союза, который вовлек бы Швецию в очень затруднительное положение, готова и теперь служить вашему высочеству, если вы к ней приклонитесь, а без ее доброго совета и помощи надобно опасаться, чтоб неверные слуги не завели вас на скользкую дорогу". Принц пожал плечами и сказал: "Тогда и увижу, как мне сойти с этой скользкой дороги". В тот же день на вечере у наследника подошел к Корфу король и жаловался, что в комнатах жарко, а потом сказал ему на ухо: "Не жарко ли и вам? Я слышал, что вы сегодня были в сильном огне; если императрица этих людей исправить не может, то пусть они остаются неисправимыми на собственную голову". Когда Корф пересказал свой разговор с принцем сенатору Окергельму, тот обнял его, поблагодарил за услугу и прибавил: "Как было бы хорошо, если б вы тотчас по отъезде честного и благонамеренного генерала Кейта были здесь: тогда принц не попал бы в те руки, в которых теперь, к нашему несчастью, находится; отпусти, боже, грех тому, кто вначале мог это отвратить, но не отвратил, а, может быть, еще помог". Тут Бестужев написал на депеше: "Когда не в глаз, то в самую бровь Любрасу мечено". Окергельм, расхваливая Кейта, может быть, не знал, что как масон Кейт был связан с людьми, вовсе не

принадлежавшими к русской партии, именно с Нолькеном. Массонство и в это время уже имело значительную силу в Швеции, так что наследный принц считал нужным для себя сделаться масоном. В апреле Нолькен писал Кейту о вступлении принца в масонскую ложу и высказывал надежду, что это событие даст новую силу ордену в Швеции.

Торжество русской партии при выборе ландмаршала или председателя сейма было помрачено поражением при выборах в члены секретной комиссии, куда засели люди противной партии. Оставалось хлопотать о большинстве в общем собрании сейма; на городское сословие Корф более не надеялся, надеялся на крестьянское. Чиновник русского посольства Симолин доставил ему ночное свидание с тальманом, или оратором, крестьянского сословия в третьем месте, куда Корф пришел переодетый. "Никогда, - писал он, - не встречал я крестьянина такого умного, проникательного и знающего". Оказалось, что тальман совершенно согласен со взглядом русского посланника. "Мы имеем причину, - говорил крестьянин, - считать императрицу своею матерью и благодетельницею: кто бы мог ей запретить оставить Финляндию за собою, если б она этого захотела? Средства, которые надобно употреблять на сейме, могут быть умеренные и строгие; если первые окажутся недостаточны, надобно приступить ко вторым. Промемория о галерах принесла большую пользу: патриотическая партия была бы совершенно низложена, если б не подкрепила ее надежда на это вспоможение; мы все желаем, чтобы русские галеры уже были у наших берегов: тогда все французы пришли бы в ужас и все благонамеренные стали бы помогать галерам для ниспровержения тяготеющего над нами тиранства. Всем известно, в каком плачевном положении находится государство: полки не пополнены, оружия, мундира, лошадей, хлеба в магазинах нет, нет и денег в банке и во всей земле, а министерство, доброхотствующее французам, хочет еще завлечь Швецию в опасные предприятия; движение русских войск на финляндских границах изменило бы весь состав секретной комиссии. Что касается умеренных способов, то надобно заручиться в полном собрании большинством по крайней мере трех чинов; духовенство надежно благодаря стараниям пробста Серениуса; о крестьянском сословии я буду заботиться; но дворянство до сих пор еще сомнительно. Первое предложение, которое я сделаю от имени крестьянства, будет состоять в том, чтоб восстановить прежде изгнанных сенаторов; второе, чтоб крестьяне допущены были в секретную комиссию, и если последнее нам не удастся, то протестуем против всего, что могло бы быть сделано на сейме, и разойдемся; духовный чин, который получает от нас пропитание, принужден был бы последовать за нами, сейм разрушился бы, что произвело бы страшное неудовольствие в провинциях на французскую партию".

Корф советовал ему разделить эти два предложения и сначала настоять на восстановлении старых сенаторов, чтоб в случае если сейм разорвется, то в Сенате осталось бы большинство благонамеренных членов. Крестьянин согласился. Относительно прусского союза тальман говорил, что не только

крестьяне, но и большая часть французских приверженцев будет противиться этому союзу, как могущему повести к разрыву с Россиею. Корф покончил разговор уверением, что императрица не оставит его без щедрого награждения, тем более что он как патриот отвергнул лестные предложения противной стороны. Тальман отвечал, что действительно от него зависело выучиться французскому языку и говорить на нем так, как говорят Гилленбург и Тессин; но, как бедный крестьянин, он хочет довольствоваться и своим природным языком. Потом Корф имел также ночное свидание с протопопом Серениусом, который говорил, что лучше всего разорвать сейм удалением крестьян за недопущение их в секретную комиссию; тогда нужно было бы созывать новый сейм, на который можно было бы приготовиться. И протопоп высказывал желание, чтобы русские галеры приблизились к шведским берегам и 10000 войска вступили в Финляндию с провозглашением, что не уйдут до тех пор, пока шведский народ не освободится от французского тиранства; вся Финляндия выскажется в пользу России. Большинство голосов между дворянами приобрести будет трудно, ибо дворяне обольщены тем, что молодой двор их дружески принимает. Многие из патриотов огорчены презрительным обхождением с ними кронпринца и кронпринцессы. Когда более 250 патриотов пришли для совещания к генералу Врангелю, то он пришел в большое смущение и сказал: "Господа, вас уже слишком много! И что скажут об этом их высочества?" - тогда как члены французской партии публично совещаются не только у своих начальников, но и в покоях кронпринца.

От 24 октября Корф писал, что хотя сейм приведен в такое сомнительное состояние, что ни одна партия не может получить успеха, однако французская партия имеет немалую выгоду в том, что кронпринц на ее стороне, что удерживает патриотов от энергических действий; при этом французская партия не пренебрегает никакими средствами для устрашения членов русской партии. Чтобы отнять у них надежду на помощь из России, распустили слух, что там готовится революция и жизнь великого князя в опасности, здоровье его становится день ото дня хуже; сочинили такую историю, будто бы великий князь на балу упал в обморок, и когда ему хотели переменить белье, то одна дама предостерегла, чтоб не употребляли его собственного белья, потому что оно все отравлено. Не надеясь на большинство голосов в дворянском чине, вовсе не полагаясь на духовный и крестьянские чины, французская партия хлопотала, как бы привлечь на свою сторону последний чин и произвести разлад между ним и другими чинами. Для этого генерал Вреде вступил в сношения с крестьянским директором Гедманом, суля ему, что если перейдет на французскую сторону, то будет жить по-графски, и внушая, что честь Швеции требует избавления от русского властолюбия посредством союза с Пруссиею; внушал также, что русский наследник еще имеет виды на шведский престол, что императрица навязала Швеции кронпринца, и так как теперь он не хочет исполнить ее воли, то стараются лишить его наследства шведской короны, чины же должны его защищать. Получена подлинная

ведомость, что десять русских галер разбиты бурей, а прочие возвратились в Кронштадт. И действительно, Корф узнал, что кронпринц за обедом в присутствии своих приверженцев провозгласил тост за счастливую гибель русских галер. Гедман остался непреклонен; так же вел себя и ланд-маршал Унгерн-Щтернберг: тогда когда членам секретного комитета сделано было предложение о необходимости прусского союза и предложение это подкреплено рекомендациею кронпринца, то Унгерн прекратил заседание, отправился к кронпринцу и представил ему дурные последствия его вмешательства в сеймовые дела. Кронпринц заперся, что не поручал делать предложения о прусском союзе. "Ландмаршал, - писал Корф, - поступает как честный человек и ведет дело так, что французы не могут двинуться с места; поэтому Вреде в разговоре с Гедманом сказал, что плут Унгерн головою заплатит за те препятствия, какие он им причинял".

В ноябре Корф донес, что французская партия начинает употреблять средства устрашения. Так, схвачен был поручик Лагергельм будто за то, что говорил неприличные слова против кронпринца, в сущности же для того, чтоб показал что-нибудь против патриотов. Корф писал, что если императрица не сделает заблаговременно надлежащую по этому делу декларацию, то надобно опасаться, чтобы боязливый граф Бонде не передался, чины крестьянский и духовный не потеряли твердости. Сенат не наполнился бы французскими доброхотами и сейм не кончился бы по желанию их партии. Такою декларациею должно было служить объявление, сделанное Корфом кронпринцу: "Всеми свету известно, что настоящим своим благополучием ваше величество обязаны ее императорскому величеству. Грамота императрицы от 6 июля прошлого года была новым опытом старания ее о вашем благополучии: в ней она остерегала вас от тех людей, которые внешними льстивыми заявлениями старались снискать ваше доверие, но этим доверием пользовались только на пагубу королевства, что необходимо должно иметь вредные следствия и для вашего высочества. Но ее импер. величество после того, к прискорбию своему, уведомила, что граф Тессин и его партия умели удержать в своих руках склонность и сердце вашего высочества, хотя для вашего высочества не тайно, что он старался из всех сил воспрепятствовать согласию между Россиею и Швециею, старался продлить беспокойства на севере и действовал явно против особы вашего высочества, в пользу другого принца. Разнесся слух, что императрица намерена лишить вас коронного наследства и она подлинно уведомена, что слух этот разглашен графом Тессином и его сообщниками, чтобы отвратить ваше сердце от ее императ. величества. Поэтому императрица считает необходимым искреннейшим образом советовать и дружественнейшим образом просить, чтоб вы не допустили этого опасного человека довести вас до таких мер, которые находятся в противоречии с прямым благополучием вашего высочества, и обратили бы вашу доверенность к таким людям, которые усердствуют пользе отечества и союзу между Россиею и Швециею. Если же ваше высочество соизволите и после этого содержать графа Тессина и его

сообщников в своей милости и его злым советам следовать и потому от ее величества отдаляться, то и ее величество принуждена будет свое искреннее старание о вашем высочестве не только сократить, но и вовсе пресечь".

Смушение французской партии вследствие этого объявления было чрезвычайное по словам Корфа, тем более что король и добрая партия начали поступать бодрее. В секретном комитете дела остановились, граф Тессин ходил в глубоком унынии и не знал, за что приняться, сенатор Розен заболел от страха. Король дал знать Корфу, что он обязан утверждением своим на престоле декларации, сделанной кронпринцу, потому что если бы французская партия склонилась к себе крестьянский чин и наполнила Сенат своими членами, то королевская власть подверглась бы опасности; король проведаль, что у кронпринца сделаны были все распоряжения выслать его, короля, в Гессен или какую-нибудь шведскую провинцию, но декларация Корфа все остановила. Король надеется, что так как дорога уже очищена, то императрица сильно поведет дело далее, и он, король, станет по возможности тому содействовать; он уже подал свой голос в Сенате, объявил изменником отечества всякого, кто не будет стараться сохранить дружбу императрицы, и этим показал путь, по которому должен идти кронпринц; и если бы можно было привлечь на свою сторону городское сословие, то сейм имел бы счастливейший исход. Французская партия стала хлопотать, чтобы из дела Тессина, как оно было поставлено русскою декларациею, сделать личное дело кронпринца и вместе национальное, но крестьянский чин объявил, что шведское государство получило столько опытов истинной дружбы со стороны русской императрицы, что интерес Швеции требует не только самым добросовестным образом сохранять эту дружбу, но и старательно отстранять все, что может подать повод к какому-нибудь неудовольствию и холодности. Поэтому крестьянский чин просит не отказать русской императрице в справедливом удовлетворении, если она чувствует себя чем-нибудь обиженною. Затем крестьяне прямо указали на бесполезность прусского союза, представляя бедственное положение Швеции, сильное вооружение соседей, и если другие чины решатся на какой-нибудь поступок, который повлечет за собою опасные следствия, то крестьянский чин считает себя освобожденным от тягости, которая бы в таком случае выпала на его долю. Наконец, крестьяне выражали мнение, что декларация, сделанная Корфом наследному принцу насчет Тессина, не заключает в себе никакой обиды ни кронпринцу, ни нации. В Сенате относительно этого вопроса большинство сенаторов согласилось с голосом короля против голоса кронпринца, который был, разумеется, за Тессина; сенатор Кронштетт прямо объявил Тессина зачинщиком всего зла Для государства.

В такой беде кронпринц пригласил к себе 26 человек крестьян; вынесли новорожденного принца Густава, которого "нескладная" голова была прикрыта особым убором, и кронпринц говорил по-шведски, что он находится в опасности; графа Тессина, вернейшего патриота, оказавшего

государству такие великие услуги, гонят; он надеется, что крестьянский чин ему и сыну его окажет такую же помощь, какую оказывал прежним своим государям. Кронпринц говорил эту выученную наизусть речь так смутно, что крестьяне ничего не поняли. Но принцесса повторила ее явственнее по-шведски и кончила тем, что если крестьяне пристальнее посмотрят на принца Густава, то найдут, что только злые языки могли выдумать, будто у него нескладная голова. Граф Тессин и капитан Шехта заключили акт своими речами, а крестьяне отвечали на все одними низкими поклонами.

В декабре умер граф Гилленбург, и началась борьба за очистившееся его смертью место президента государственной канцелярии; французская партия хотела доставить его графу Тессину, чему русская, разумеется, противилась всеми силами. Приближались святки, на которые депутаты разъезжались домой. Патриоты прислали к Корфу генерала Дюринга с просьбою, чтоб он их не оставил и отпустил депутатов в провинции с доброю надеждою и для этого нужно 50000 платов (около 30000 рублей) одному дворянскому чину, а крестьянский и духовный чин могут быть удовлетворены суммою от осьми до десяти тысяч платов. Надобно Корфу сделать дальнейший шаг, пользуясь ужасом, наведенным на французскую партию декларациею о Тессине, иначе Корф будет отвечать за последствия, ибо нельзя думать, чтоб императрица решилась погубить сенаторов Окергельма и Левена, а гибель их неизбежна, если Тессин сделается президентом канцелярии и французская партия получит верх. Обратясь к портрету императрицы с заплаканными глазами, Дюринг продолжал: "Я уверен, что если императрице представлено будет о наших нуждах и беспокойствах, то она не откажет нам в помощи, причем может быть уверена, что все прямые шведы прославляют ее в сердцах своих. Вы сами слышали, что крестьяне произносят ее имя с благоговением и упоминают чаще, чем имя собственного государя".

Но в то время когда колпаки заботились о ходе дел после праздников, шляпы воспользовались тем, что много из их противников разъехалось, возбудили вопрос о замещении вакантных сенаторских мест и провели своих кандидатов, так что в Сенате стало теперь 9 голосов, принадлежавших русской партии, включая в то число два королевских, а на французской стороне, считая голос кронпринца, десять.

Чем затруднительнее становились шведские отношения, тем нужнее казалось сблизиться с Даниею. Императрица еще в 1745 году наведывалась у канцлера, скоро ли начнутся переговоры с датским послом о заключении союза; но препятствием тому служили интересы племянника ее как герцога голштинского. Елисавета считала неделикатным заставить племянника принести голштинские интересы в жертву русским, хотя в разговоре с канцлером при докладах заявляла, что великому князю следовало бы заниматься более своим русским наследством, чем голштинскими делами. В начале 1746 года, когда она снова спросила Бестужева, делается ли что-

нибудь для начатия переговоров с датским послом, и когда канцлер отвечал, что призванные в Петербург голштинские министры Пехлин и Пфенинг толкуют, что датский король не только должен возвратить Шлезвиг, но и заплатить многие миллионы Голштинии, то императрица сказала: "Я в это дело с датским двором не вступлю, потому что оно, собственно, принадлежит великому князю, однако голштинским министрам можно сказать, что для этого дела я не остановлю переговоров с датским двором о возобновлении союза, нужного для интересов здешней империи: так они бы не медлили решением шлезвигского дела". Елисавета велела канцлеру начать переговоры с датским послом, причем должен был присутствовать и принц Август как штатгальтер голштинский и голштинские министры.

В первой конференции датский посол Голштейн предложил голштинскому герцогу миллион ефимков за вечную уступку Шлезвига, но голштинские министры не согласились. Тогда Голштейн подал ноту, в которой просил не останавливать переговоров о возобновлении союза между Россией и Даниею и заключить его на прежнем основании с такими сепаратными артикулами: 1) владение Шлезвигом выключить из гарантии императрицы до будущего соглашения между королем датским и великим князем Петром Федоровичем; 2) гарантировать это владение против всех других родственников (агнатов) Голштинского дома; 3) не допускать никогда Голштинское герцогство во владение тому государю, который будет на шведском престоле. Но императрица, выслушав ноту, заметила, что вместо сепаратного артикула о выключении Шлезвига из русской гарантии надобно внести это условие прямо и явственно в самый договор с целью дать знать и другим дворам, что императрица не пренебрегает интересами своего племянника; в остальном же она совершенно согласна с проектом договора.

Преемник Корфа в Копенгагене был камергер Алексей Пушкин, который в одном из первых своих донесений уведомил о кончине датского короля Хриетиана VI, последовавшей 26 июля, и о восшествии на престол Фридриха V. Но после этого донесения Пушкина были так ничтожны, что из Петербурга должны были прислать ему внушение прилежнее следить за отношениями Дании к иностранным державам и подробнее сообщать о том своему двору. Другим характером отличались донесения нового резидента в Константинополе Адриана Неплюева. Турецкие министры прежде всего наведались, какие подарки привез им новый резидент. Неплюев отвечал, что резиденты подарков не привозят, и когда переводчик Порты заметил, что по крайней мере рейс-эфенди нужно что-нибудь дать в знак дружбы, то Неплюев сказал, что когда этот министр действительно окажет России услуги, то получит награждение. Новый резидент обратился за вестями к старому приятелю Миралему, который объявил ему, что на мир с Персиею нет надежды и что Турция находится в самом бедственном положении, будучи подобна старому бескровному телу, в котором все кости раздроблены и которое находится при последнем издыхании. На днях

приснилось султану, что шах напал на него; страшно испугался, послал за муфтием, чтоб растолковал сон, тот кое-как успокоил его. Султан и от природы неумен, а видя себя окруженным глупыми и злонамеренными людьми, со страха и печали находится вне себя и часто заговаривается.

При свидании своем с рейс-ефенди Неплюев начал с того, что у буджакских и крымских татар и в других местах еще много находится русских пленных, и требовал посылки нарочных для их освобождения. Рейс-ефенди отвечал, что нарочные были отправлены и возвратились с известием, что нигде уже более нет русских пленных, кроме обратившихся в магометанство; новых нарочных посылать не для чего; но если резидент именно покажет, в каком месте и у какого хозяина еще остаются русские пленные, то немедленно будут отправлены об них надлежащие указы. Со стороны Порты даны были записки о турецких пленных в России; но получен был ответ, что таких не имеется, тогда как известно, что они находятся в Петербурге, Москве, Нежине и Киеве, визирский посланец Али сам их видел, слезные письма от них привез, а другие бегством спаслись от неволи и подали ведомость об оставшихся. Неплюев отвечал, что был бы рад, если бы русское представление о пленных было основательно не более турецкого; к сожалению, в проезд свой он сам видел русских невольников; если турки хотят послать нарочных в означенные русские города, то он готов дать паспорта; но рейс-ефенди сам хорошо знает правду. Рейс-ефенди повторял уверения в непременно исполнении договора, говорил, что Порта не отрекается освободить пленных и пошлет указ об этом крымскому хану, пусть только Неплюев подаст письменное представление. Неплюев продолжал, что кроме пленных крымскому хану надобно внушить о соблюдении доброго соседства: он не высылает из Крыма козаков, называемых аргатами, не высылает беглых ногаев и калмыков; под предлогом сыска своих беглых татары подъезжают к русским границам. Рейс-ефенди обещал сделать внушение хану и говорил, что все это дела маловажные и не могут произвести холодности между двумя империями; что он не понимает, зачем с русской стороны запрещается подданным ходить в дружеское государство для зарабатывания денег, ведь это плоды мира. Неплюев возражал, что плоды мира состоят во взаимном распространении купечества, а не в приеме беглых, и спрашивал, приятно ли было бы для Порты, если б в России приняли несколько сот буджакских или других татар, подданных турецких, и настаивал, чтоб непременно выслали из Крыма аргатов. "Я с вами согласен в маловажности всех этих дел, - говорил он, - но если этим народам немного спустить, то они по своему непостоянству и хищничеству скоро из малых большие дела сделают, которые труднее будет исправить. Согласен, что неприятно, скучно слышать беспрестанные жалобы на такие мелкие дела; но от этого вы можете избавиться, если при хане будет находиться русский консул; это особенно нужно и для торговли, если Порта желает ее распространения; если теперь французам, а прежде и шведам без всякого торгового и пограничного дела позволено было держать в Крыму консулов, то русскому консулу там должно быть по всем причинам". Рейс-ефенди

отвечал, что Порты не может вмешиваться в собственно ханские дела, а Россия должна сделать предложение о консуле прямо хану.

В октябре Неплюев сообщил важную новость о неожиданном заключении мира между Турцией и Персией на условии остаться при том, кто чем владеет (*uti possidetis*). Вследствие этого Неплюев сейчас же заметил австрийскому интернунцию Пенклеру, что нельзя держать границ так обнаженными, как до сих пор было с австрийской стороны, что турки могут решиться на внезапную нападение вследствие постоянных подстреканий с французской стороны. Неплюев писал, что и в России нужно произвести передвижение войск в уkraine. Успокаивало безденежье Порты, ибо многие доходы были уже взяты за год вперед; но тревожные слухи не прекращались. Так, курьеры из Киева дали знать Неплюеву, что ногайские татары лошадей кормят и молва идет, что хотят предпринять что-то против Запорожья. Неплюев сделал запрос рейс-ефенди об этих приготовлениях, тот отвечал, что ногаи кормят лошадей для проезда крымского хана в Константинополь. Неплюев писал в Петербург, что хотя он и без рейс-ефенди знал, что ногаи кормят лошадей для ханского проезда, но сделал запрос нарочно, чтобы показать туркам, как с русской стороны следят за малейшими движениями у них и врасплох им ничего сделать не удастся. Резидент следил внимательно за французскими интригами. "Подлинно, - писал он, - нет того, что бы французы постыдились выдумать и предложить туркам". Так, они представили Порте, что новый император Франц не имеет никакого права титуловаться королем иерусалимским; представили также, что он великий магистр ордена св. Стефана, а каждый кавалер этого ордена присягает никогда не мириться с неверными.

Так же внимательно следили за французскими интригами англичане. В конце марта лорд Гиндфорд сообщил в крайней конфиденции о надежном и несомненном известии, полученном английским королем, что Франция употребляет все способы отвлечь шведский двор от России и для того спешит заключением договора между Швецией и Пруссией с исключением России и надобно стараться, чтобы виды Франции не клонились к тому, чтоб обязать прусского короля помогать Швеции к завоеванию уступленных ею России земель с условием уступки ему шведской Померании; кроме того, Франция старается привлечь и Данию в этот союз, для чего старается наследного принца шведского склонить к уступке всех его претензий на Голштинию в пользу Дании, за что Швеция должна получить вечное освобождение своих кораблей от зундской пошлины. Английский король, как искренний друг и верный союзник императрицы, не хотел медлить ни минуты в сообщении ей этого известия, усердно желая действовать заодно с императрицей во всем, что касается благополучия обоих государств; король очень желает знать о намерениях императрицы относительно общих европейских дел, и особенно дел на севере; его величество примет за особенное одолжение, если его сиятельство великий канцлер граф Бестужев благоволит известить о том в

секрете посла королевского. Канцлер отвечал именем императрицы, что начатые в прошлом году в Петербурге переговоры с послом английским и министрами других держав, соединенных Варшавским договором, уничтожают всякое сомнение в добрых намерениях императрицы и если эти переговоры кончились ничем, то вина не на русской стороне, ибо король великобританский с исключением императрицы и не давши ей знать вступил в Ганновере в соглашение с прусским королем. Несмотря на то, ее величество без труда откроется конфидентно королю, что она нисколько не изменила своих взглядов; несмотря на издержки и неудобное время года, продолжающаяся передвижка армии служит тому доказательством. Цель этой передвижки тройкая: 1) безопасность России; 2) сохранение тишины и существующего порядка на севере вообще, и особенно в Польше; 3) подание помощи союзникам. Но как эти три цели могут быть достигнуты, об этом ожидается обстоятельнейшее изъяснение со стороны британского величества.

Своим докладом о необходимости сближения с Англиею канцлер встречал помеху в известиях с востока, из Персии, которые приводили императрицу в сильное раздражение. 24 апреля при докладе об иностранных делах она рассуждала, что английские купцы действуют в Персии так, что для России могут быть от этого дурные следствия, что они там уже построили два корабля на шаха и еще строить хотят, а для России было бы очень вредно, если бы у персиян заведен был флот. Англичанам позволено торговать с Персиею чрез Россию; но от этой торговли великая прибыль только англичанам, а здешней империи, особенно купцам и фабрикам, помешательство и убытки происходят; очень жаль, что такое позволение дано, и всеми мерами надобно эту английскую торговлю прекратить. Канцлер отвечал, что такие известия и в коллегии Иностранных дел получены, что один военный корабль в Персии построен, а другой заложен и что в этом один из англичан, недобрый человек, именем Элтон, упражняется, а беглые из России разбойники помогают; от коллегии английскому двору сделаны представления, чтоб этот Элтон вызван был из Персии, и объявлено, что если он вызван не будет, то и торговля англичан с Персиею вся пресечена будет. От английской компании к тому Элтону писано, чтоб выехал из Персии, за что обещана ему погодная пенсия по смерти до 2000 рублей; но он, несмотря на то, оттуда не едет, а иначе поступить с ним английскому двору нельзя, ибо известно, что английский народ вольный. Торгующие с Персиею англичане держали два собственных корабля; но так как было усмотрено, что на этих кораблях из России парусные палатки и другие такелажи, к вооружению судов принадлежащие, туда привозили, то эти корабли в Астрахани задержаны, ходить в Персию им более не позволено и англичанам объявлено, чтоб они товары свои на русских судах перевозили, а свои корабли продали бы русским же купцам; и один корабль уже продан, а другой еще нет. На эти представления Елисавета заметила: так как эта коммерция для здешней империи не только не полезна, но и опасна быть видится, то о поправлении этого дела надобно прилагать старание, а лучше эту коммерцию отклонить

и вовсе прекратить. В августе вопрос возобновился вследствие известия, что один персидский корабль с пушками, уже совсем построенный и оснащенный, виден был у Дербента и требовал салютации от русских судов, а командир его и команда били и другие озлобления делали русским купцам. Императрица объявила канцлеру, что все это оттого, что англичанам позволено производить торговлю из России в Персию, и еще хуже будет, когда у персиян морской флот заведется и размножится, и потому английскую коммерцию в Персию теперь непременно пресечь и английскому послу о том объявить; а каким бы образом это заведенное у персиян строение судов вовсе Искоренить, о том в Сенате вместе с коллегиею Иностранных дел советоваться и меры без упущения времени принимать.